

Не тычьте в меня этой штукой

Автор:

[Кирил Бонфильоли](#)

Не тычьте в меня этой штукой

Кирил Бонфильоли

Трилогия Маккабрея #1

Кто-то спер картину Гойи, и тут закрутилось. Но чем оно опаснее, тем интереснее, а Чарли своего не упустит. Если бы Вудхаузу поручили писать сценарии картин про Джеймса Бонда, то получилось бы примерно то же, что у Кирила Бонфильоли.

Обаятельный авантюрист принес своему создателю мировую известность и голливудскую экранизацию с участием Джонни Деппа, Юэна Макгрегора и Гвинет Пэлтроу.

Книга также выходила под названием «Эндшпиль Маккабрея».

Кирил Бонфильоли

Не тычьте в меня этой штукой

Text copyright © Kyril Bonfiglioli, 1972

The author has asserted his moral rights

All rights reserved

На английском языке книга впервые издана Penguin Books Ltd, London

Оформление обложки Luke Pearson

Редакция Livebook благодарит Александра Чанцева за помощь в подготовке книги

© Кирил Бонфильоли, 1972

© М. Немцов, перевод на русский язык, 2005, 2014

© Люк Пирсон, оформление обложки, 2014

© Livebook Publishing Ltd, 2015

* * *

Кирил Бонфильоли – первоклассный и самобытный мастер детектива.

The Guardian

Заклинаю всех истинных любителей иронического, остроумного и познавательного детектива: не пропустите романов английского писателя Кирила Бонфильоли! У его книг два существенных плюса. Во-первых, стиль и язык – в блестящем переводе и с дельными примечаниями Максима Немцова. Во-вторых, достойный Д. Х. Чейза лихой сюжет, переданный в цинично-изысканной манере Оскара Уайльда ироничным слогом П. Г. Вудхауза!

Журнал «Мир фантастики»

Гениально.

Goodreads

Нельзя не отметить стиль Кирила Бонфильоли: его богатый, сочный текст радует множеством аллюзий, неподражаемым юмором и игрой слов. Читать всем любителям английского юмора в его концентрированном виде.

Читательский портал Livelib

Не увлечься невозможно. Эмоции – от полного неприятия до восторга.

Интернет-магазин Labirint

Неординарная философия, скрытая меж искрометных строк, возводит книги Бонфильоли в ранг невоспетой классики.

The Economist

Книги о Чарли Маккабрее адресованы внимательному читателю, поскольку их герой бредет по ничейной земле между владениями добра и зла. Он обворожителен, образован и плевать хотел на уголовный кодекс. В компании смышленного, хоть и нелюдимого слуги, громилы Джока, Чарли выбирается из самых дурацких передряг, используя свой острый ум, смекалку и безупречную родословную.

Publishers Weekly

Каждая новая страница смешнее предыдущей.

Goodreads

Кирил Бонфильоли в отличие от своего героя предлагает читателю настоящее искусство, а не ловкую подделку.

Time Out Москва

«Не тычьте в меня этой штукой» британского писателя Кирила Бонфильоли находится за рамками жанров, как раз там, где начинается настоящая литература.

Читательский портал Livelib

Талант Бонфильоли взрывает мозг читателя, заставляя того то смеяться, то пугаться и – иногда – грустить.

The Economist

Трагикомедия от первого лица, что-то вроде «Рукописи, найденной в...» О том, что с главным героем еще не покончено, читатель догадывается лишь по тому, что перед ним первая в серии книга. Язык и перевод прекрасны. Много английского юмора, может быть, не слишком тонкого, ну так герой и сам признает – «школа, куда мы все ходили, была не очень хороша».

Livejournal.com

Тексты Бонфильоли – это уникальный стиль, юмор, игра слов. А сам Маккабрей предстает дальним родственником Энди Такера из рассказов ОТенри, который никогда не унывает, может выпутаться из любых неприятностей и не упускает своего.

Быть вам взволнованными и, надеюсь, приятно удивленными.

The Guardian

О такой книге непросто рассказывать, в голову лезут сравнения с Вудхаусом, Набоковым, Томпсоном; кажется, автор взял лучшее отовсюду, и вышел этакий буквенный Франкенштейн, однако все куда сложнее. Слова подбирать так нелегко, потому что книги Бонфильоли неподражаемы!

Booklist

Почему Charlie Mortdecai стал Чарли Маккабреем

В лучших традициях английского романа Кирил Бонфильоли подарил своему герою говорящую фамилию, и ее перевод заслуживает отдельного комментария. Изучив биографию Чарли и его славных предков, переводчик принял решение без потерь донести до русскоязычного читателя все намеки автора, и поэтому Mortdecai (очевидный кивок автора в сторону ветхозаветного героя Мордехая; фр. mort «смерть-распад») стал Маккабреем: в фамилии затаились прозвище ветхозаветных героев Маккавеев и пляска мертвецов, макабр (фр. macabre), танец о равенстве всех перед ликом смерти.

Издательство Livebook

Об авторе

[1 - В статье использованы материалы The New Yorker, The Independent, Booknik.]

Есть люди, неподражаемые с самого первого дня. Кирила Бонфильоли звали именно так и никак иначе. Перед нами не удивительный псевдоним, а самое настоящее имя, которым потомок итальянцев, англичан и словен обязан своему отцу Эммануэлю Мефодию Бонфильоли. Впрочем, в сравнении с остальными фактами биографии этого человека, его имя – самая заурядная подробность.

Кирил Бонфильоли (1928–1985), культовый английский писатель, родился на южном побережье Англии в семье букиниста. Он учился в Оксфорде, издавал научно-фантастические журналы и успешно торговал искусством, а еще виртуозно фехтовал, умел обращаться с любым оружием, был эрудитом с великолепно развитым вкусом, а также «любим и уважаем всеми людьми, кто плохо его знал».

Иными словами, образ Чарли Маккабрея, помеси отечественного Обломова с британским денди, знатока английской поэзии и птиц, «воздержанного во всем, кроме алкоголя, пищи, табака и разговоров», – создан автором явно не без опоры на биографический материал.

Писательская карьера Бонфильоли началась, когда он уже готов был бросить и торговлю искусством, и семью. В середине 1960-х Бонфильоли редактировал несколько мелких научно-фантастических журналов, где изредка публиковался сам. Семья Бонфильоли жила в огромном викторианском особняке с множеством квартирантов. Бонфильоли любил шумные компании и стабильный доход, слыл признанным мастером стихийных вечеринок, игр и розыгрышей. Первые страницы «Не тычьте в меня этой штукой» были написаны к концу 1960-х, тогда же случилась вторая женитьба. Роман впервые опубликовали в 1973 году; к этому времени Бонфильоли почти все свое время посвящал писательству, его второй брак и финансовое положение с годами потрескались и развалились. «Жениться, когда у тебя нет достойного заработка, – все равно что переплыть Ла-Манш с бетонной плитой, привязанной к твоему левому яичку», – поучал он в старости собственного сына.

Авантюрный детектив о приключениях великолепного Чарли Маккабрея и его верного головореза Джока принес своему создателю мировую известность и голливудскую экранизацию. Сегодня книги Кирила Бонфильоли переведены и изданы во многих странах, а признание миллионов поклонников, в числе которых книжные гурманы Стивен Фрай и Джулиан Барнс, сделало Бонфильоли

культовым писателем современности.

В 2015 году издательство Livebook публикует первый роман из серии – «Не тычьте в меня этой штукой» в блистательном переводе Максима Немцова.

Издательство Livebook

Романы о Чарли Маккабрее

1. Don't Point That Thing At Me, 1973 – «Не тычьте в меня этой штукой».
2. Something Nasty In The Woodshed, 1976 – «Что-то гадкое в сарае».
3. After You With The Pistol, 1979 – «После вас с пистолетом».
4. The Great Mortdecai Moustache Mystery, completed Craig Brown, 1996 – «Великая тайна усов Маккабрея» (дописано Крейгом Брауном).

Приквел: All the Tea In China, 1978 – «Весь чай Китая». The Mortdecai ABC: A Kyriil Bonfiglioli Reader, Margaret Bonfiglioli, 1999 – «Азбука Маккабрея» (составлена Маргарет Бонфильоли).

Все эпиграфы сочинены Робертом Браунингом, кроме одного – осязаемой подделки.

Это не автобиографический роман: это книга о каком-то другом дородном, беспутном и аморальном не первой молодости торговце искусством. Остальные персонажи тоже сравнительно вымышлены, в особенности – миссис Спон; однако большинство мест действия реальны.

История стара – но рассказать ее не лучше?

«Пиппа проходит»

Когда сжигаете старую резную и позолоченную раму от картины, она приглушенно шипит в камине – испуская нечто вроде благовоспитанного ф-фух-х, – а сусальное золото окрашивает пламя в изумительную павлинью сине-зелень. Я самодовольно наблюдал этот эффект в среду вечером, когда меня навестил Мартленд. Он прозвонил в звонок три раза и очень быстро – властный человек в большой спешке. Я его более-менее ожидал, поэтому когда мой личный головорез Джек, воздев причудливо брови, просунул голову в дверь, я оказался способен вложить несколько апломба в реплику:

– Вкатывай!

Где-то в той макулатуре, которую Мартленд читает, он выискал, что тучные мужчины перемещаются с поразительной легкостью и грацией; в результате он скачет повсюду, как пышный эльф в надежде, что его подцепит лепреккон. Вот он вспрыгнул в комнату, весь такой безмолвный, кошачий и нелепый, и ягодицы его бесшумно колыхнулись.

– Не поднимайтесь, – оскалился он, увидев, что я и не намерен. – Я угощусь, не возражаете?

Проигнорировав более соблазнительные бутылки на подносе с напитками, он безошибочно цапнул из-под низу пузатый графин «родни»[2 - Форма графина, впервые введенная британским адмиралом лордом Джорджем Родни, первым бароном Родни (1719–1792): основание такой посуды достигало 12 дюймов в диаметре для достижения большей остойчивости. – Здесь и далее прим. переводчика. Переводчик благодарен Михаилу Сазонову за лингвистическую поддержку.] и плюхнул себе непристойное количество того, что считал моим «Тэйлором» 31-го года. Уже одно очко в мою пользу, ибо графин я наполнил портвейном «Инвалид» невероятной мерзотности. Мартленд не заметил: мне два очка. Он, разумеется, всего лишь полисмен. Вероятно, теперь уже – «был» оным.

Мартленд опустил свою массивную корму в мое изящное «Режанс фотёй»[3 - Кресло эпохи Регентства (искаж. фр.). Регентство - эпоха управления Франции регентом Филиппом Орлеанским в период несовершеннолетия Людовика XV, в 1715-1723 гг.] и учтиво почмокал губами над кармазинной гадостью у себя в бокале. Я почти слышал, как он нашаривает в мозгу искусную легкую реплику для начала разговора. Этакий штришок Оскара Уайлда. У Мартленда имелось всего две ипостаси - Уайлд и ослик Иа-Иа. Невзирая на это, он полицейский весьма жестокий и опасный. Или, вероятно, «был» таковым... или это я уже говорил?

- Мой дорогой мальчик, - наконец изрек он. - Какая рисовка. Даже дрова теперь у вас позолоченные.

- Старая рама, - ответил я напрямик. - Решил вот сжечь.

- Но какое расточительство. Прекрасная резная рама Людовика XVI...

- Вам чертовски хорошо известно, что это отнюдь не прекрасная рама никакого не Людовика, - прорычал я. - Это чиппендейловская репродукция с узором из оплетающей лозы, изготовленная где-то на прошлой неделе одной из тех фирм, что на Грейхаунд-роуд. Она от картины, которую я как-то на днях приобрел.

Никогда не знаешь, что Мартленд знает и чего не знает, но насчет антикварных рам я был вполне уверен: даже Мартленду не удалось бы записаться на курсы по ним.

- Но было б интересно, окажись она Людовика XVI, вы же признаёте; скажем, где-то 50 на 110 сантиметров, - пробормотал он, задумчиво глядя в камин на ее догоравшие остатки.

В этот миг вошел мой головорез и разместил на ней фунтов двадцать угля, после чего отбыл, одарив Мартленда культурной улыбкой. Культурную улыбку Джок представляет себе так: подкатить часть верхней губы и обнажить длинный желтый клык. Мне, к примеру, страшно.

- Послушайте, Мартленд, - ровно сказал я. - Если б я спер этого Гойю или перехватил бы его у скупщика, неужели вы, боже упаси, всерьез полагаете, что

я бы принес его сюда прямо в раме? И после этого стал бы жечь эту раму в собственном камине? Ну то есть, я же не тупица, правда?

Он заиздавал растерянный и возмущенный бубнеж, словно у него и в мыслях не было царственного Гойи, чья кража из Мадрида не сходилась с газетных страниц последние пять дней. Звукам он помогал легким трепетом рук, от коего некоторое количество сомнительного вина пролилось на близлежащий коврик.

– А вот это, – твердо сказал я, – ценный ковер «савонри»[4 - Савонри – мануфактуры французских королей XVII–XVIII вв., специализировались на выделке ворсовых ковров с пышным полихромным цветочным и арабесковым барочным орнаментом, обычно – на глубоком коричневом или черном фоне.]. Портвейн для него вреден. Более того, под ним может оказаться хитро спрятанное полотно Старого Мастера, а оно бесценно. Портвейн для него очень вреден.

Мартленд мерзко усмехнулся, зная, что я могу, весьма вероятно, говорить правду. Я застенчиво ослабилась в ответ, зная, что правду и говорю. Из теней дверного проема мой головорез Джок сиял своей культурнейшей из возможных улыбок. Случайному взгляду мы все показались бы счастливыми – располагай мы где-либо во владениях таким взглядом.

На данном этапе, пока никто не подумал, что Мартленд – никчемный остолоп (или был оным), мне лучше вас немного просветить. Вне всякого сомнения, вам известно, что, за исключением крайне чрезвычайных обстоятельств, английские полисмены никогда не носят с собой оружия, если не считать старой панч-и-джудской деревянной дубинки. Вы также знаете, что никогда, никогда не прибегают они к физической недоброжелательности: даже не осмеливаются нынче шлепать по попкам мальчишек, пойманных за воровством яблок, ибо опасаются обвинений в разбойном нападении, служебных расследований и «Международной амнистии».

Все это вы знаете наверняка, поскольку ни разу не слышали о Группе Особых Полномочий – ГОП, – являющей собой причудливую разновидность внеполицейского подразделения, измышленного Министерством внутренних дел в припадке осознания реальности после Великого Ограбления Поезда[5 - Великое ограбление поезда – знаменитое ограбление почтового поезда в графстве Бакингемшир в 1963 г., когда было похищено более 2 млн фунтов стерлингов.]. ГОП была порождена «Королевским Указом в Совете» и обладала

такой штукой, которая называлась «Запечатанным Мандатом» Министра внутренних дел и его государственного гражданского служащего – персонажа из тех, кто увольняется не так быстро. Говорили, что мандат этот покрывает пять страниц канцелярской бумаги и его надлежит подписывать заново каждые три месяца. Все бремя песенки его[б - «Веселый мельник», народное детское стихотворение из собрания «Рифмы Матушки Гусыни».] сводится к тому, что в ГОП следует набирать только самых милых и уравновешенных ребят, но едва это исполнено, им должно спускать с рук даже убийство – это по меньшей мере, – если только они гарантируют результаты. Больше не может быть никаких Великих Ограблений, даже если для этого потребуется – свят, свят – замесить парочку мерзавцев, не притянув их сперва к дорогостоящему суду. (На защите по назначению таким образом уже сэкономили целое состояние.) Все газеты, даже владеемые австралийцами, заключили с Министерством внутренних дел соглашение, по которому они получают свои сенсации непосредственно из канализационного отстойника в обмен на то, что отцеживают нюансы о применении огнестрельного оружия и пыток. Очаровательно.

ГОП – или, как ее называли при мне, ГПУ – не нужен больше никакой натуральный товарообмен с Государственной гражданской службой за вычетом одного насмерть перепуганного человечка в Казначействе; а ее Мандат инструктирует – инструктирует, будьте так любезны, – Комиссаров полиции предоставлять членам группы «любые административные возможности без всяких дисциплинарных обязательств или канцелярских формальностей». Нормальная полиция, естественно, эту деталь просто обожает. ГОП подотчетна лишь Первому министру Ее Величества в лице его Особого поверенного, который является титулованным графом и членом Тайного совета, а по ночам ошивается у общественных уборных.

Подлинным же исполнительным руководителем группы служит бывший полковник парашютно-десантных войск, который учился со мной в одной школе и носит причудливое звание Главного экстра-суперинтендента. Очень способный парень, фамилия Мартленд. Ему нравится делать людям больно. Очень.

Ему явственно хотелось бы поделаться мне больно здесь и сейчас – как бы прощупать почву, – но за дверь маячил Джок, время от времени притворно-застенчиво порыгивая, дабы напомнить: если потребуется, он всегда под рукой. Джок – эдакий анти-Дживз, немногословный, находчивый, даже почтительный, если на него находит стих, но вообще-то как бы все время в подпитии и очень любит крушить людям физиономию. В наши дни изящными искусствами

заниматься без головореза невозможно, а Джок в своем ремесле – один из лучших. Ну, сами понимаете, – был.

Представив вам Джока – его фамилия как-то вылетела из памяти, но, полагаю, должна быть по матушке, – я, наверное, лучше перейду к некоторым фактам о себе. Я – Чарли Маккабрей. Я не шучу – меня действительно окрестили Чарли; моя мама, вероятно, каким-то неявным способом так отыгралась на папе. И ярлыком «Маккабрей» я очень доволен: штришок древности, намек на еврейство, душок морального упадка – ни один коллекционер не сможет устоять и скрестит шпаги с торговцем по фамилии Маккабрей, будьте любезны. Я сейчас в самом соку, если это вам о чем-нибудь скажет, едва среднего роста, прискорбным образом выше среднего веса и обладаю интригующими остатками довольно блистательной привлекательности. (По временам в приглушенном свете и с подоткнутым брюшком я готов чуть ли не ухлестнуть за самим собой.) Мне нравятся искусство и деньги, грязные шутки и выпивка. Я сильно преуспеваю. В своей недохорошей второсортной частной школе я обнаружил, что почти любой может одолеть противника в драке, если готов большим пальцем выдавить ему глаз. Большинство не способно подвигнуть себя на такое, вы это знали?

Более того, я – «достопочтенный», ибо папочка мой был Бернارد, Первый барон Маккабрей Силвердейлский пфальцграфства Ланкастер. Он был вторым величайшим арт-дилером столетия; отравил себе всю жизнь, пытаясь вздуть цены на Дювина[7 - Джозеф Дювин (1869–1939) – английский арт-дилер, даривший произведения искусства многим британским музеям и галереям.] несоразмерно остальному рынку. Баронство свое получил якобы за то, что одарил нацию хорошим, но непродаемым искусством на треть миллиона фунтов стерлингов, а на самом деле – за то, что вовремя забыл о ком-то нечто конфузное. Мемуары его должны выйти в свет после смерти моего брата – скажем, где-то в будущем апреле, если повезет. Очень вам рекомендую.

А тем временем в ночлежке Маккабрея и. о. распорядителя работ Мартленд рвал и метал – или делал вид, что. Он ужасный актер, но, с другой стороны, он довольно ужасен и когда не актерствует, поэтому трудно порой сказать, если вы следите за моим ходом мысли.

– Ох, бросьте, Чарли, – недовольно сказал он. Бровь моя трепетнула в самый раз, чтобы показать: в школе с ним мы учились не так уж и недавно.

- Что вы имеете в виду - «бросьте»? - спросил я.

- Я имею в виду, давайте не будем играть в глупеньких мудозвонов.

Я рассмотрел возможности трех умных возражений на его одну реплику, но пришел к выводу, что не стоит беспокойства. Бывают времена, когда я готов перекинуться с Мартлендом словечком-другим, но сейчас время иное.

- И что именно, - здраво спросил я, - по вашему мнению, я могу вам дать из того, что, по вашему мнению, вы хотите?

- Любую наводку на дельце с Гойей, - ответил он тоном сломленного Иа-Иа. Я взвел ледяную бровь-другую. Он несколько заерзал. - Существуют дипломатические соображения, знаете ли, - слабо простонал он.

- Да, - с некоторым удовлетворением ответил я. - И я понимаю, как они могут возникнуть.

- Просто имя или адрес, Чарли. Да вообще-то что угодно. Вы ведь наверняка что-то слышали.

- И где тут вступит в действие старое доброе «куи боно»[8 - Кому от этого польза? (искаж. лат.)]? - спросил я. - Где широкоизвестный пряник? Или вы опять давите на старую школьную дружбу?

- Этим вы обеспечите себе много мира и покоя, Чарли. Если, разумеется, сами не ввязались в сделку с Гойей как принципал.

Я нарочито некоторое время поразмыслил, тщательно стараясь не проявить чрезмерной заинтересованности и задумчиво поглощая настоящий «Тэйлор» 1931 года, населявший мой собственный бокал.

- Хорошо, - наконец изрек я. - Немолодой грубоватый на язык парняга в Национальной галерее, прозывается Джим Тёрнер.

Шариковая ручка счастливо запорхала по уставному блокноту.

- Полное имя? – деловито осведомился Мартленд.

- Джеймз Мэллорд Уильям.

Он начал было записывать, потом замер и злобно глянул на меня.

- 1775–1851, – съязвил я. – Крал у Гойи постоянно. Но, с другой стороны, старина Гойя и сам был тот еще жук, не так ли?

Я никогда еще так близко не подступал к получению костяного бутерброда прямо в зубы. К счастью для того, что еще оставалось от моего патрицианского профиля, в комнату, неся прямо перед собой телевизионный приемник, как бесстыжая незамужняя мамаша – живот, уместно вступил Джок. Мартленд отдал пальму первенства благоразумию.

- Кха кха, – вежливо изрек он, откладывая блокнот.

- Сегодня вечером же у нас среда, понимаете? – объяснил я.

- ?

- Профессиональная борьба. По телику. Мы с Джоком никогда ее не пропускаем; там выступает столько его друзей. Вы не останетесь посмотреть?

- Доброй ночи, – сказал Мартленд.

Почти час мы с Джоком потчевали себя – и магнитофоны ГОПа – хрюканьем и ржаньем королей захватов в партере и потрясающе вразумительными комментариями мистера Кента Уолтона[9 - Кеннет Уолтон Бекетт (1917–2003) – британский спортивный комментатор и телеведущий.] – единственного на моей памяти человека, целиком и полностью соответствующего своей работе.

- Этот человек потрясающе вразумителен и т. д., – сказал я Джоку.

- Ну. Мне там счас показалось, что он отхватил ухо тому второму мудаку.

– Нет, Джок, не Палло[10 - Джеки Палло («Мистер ТВ», Джек Эрнест Гаттеридж, 1926–2006) – английский профессиональный борец, звезда спортивного телевидения 1960-70-х гг.]. Кент Уолтон.

– Ну? А по мне так Палло.

– Не принимай близко к сердцу, Джок.

– Как скажете, мистер Чарли.

Превосходная была программа: все подонки жульничали бесстыже, рефери поймать их за этим занятием никак не удавалось, но хорошие парни всегда побеждали, напрягши пресс в последнюю минуту. Кроме схватки Палло, само собой. Масса удовлетворения. Удовлетворительно было и размышлять о тех умненьких молоденьких бобби-карьеристах, что в эту самую минуту проверяют все полотна Тёрнера в Национальной галерее. А в Национальной галерее Тёрнеров очень много. Мартленд был достаточно сообразителен, чтобы осознать: я не стал бы так неубедительно шутить лишь для того, чтобы его подразнить. И потому перевернуть следовало каждого Тёрнера. И за одним из полотен, все всякого сомнения, отыщется заткнутый конверт. А внутри – опять же, вне всякого сомнения, – люди Мартленда обнаружат одну из этих фотографий.

Когда закончилась последняя схватка – на сей раз драматичным «бостонским захватом», – мы с Джоком выпили виски, что по борцовским вечерам стало у нас традицией. «Красный Плюмаж Делюкс» мне и «Джонни Уокер» ему. Джок его предпочитает; кроме того, мой головорез сознает свое место в жизни. К тому времени мы, конечно, уже отклеили крохотный микрофон, который Мартленд небрежно забыл под сиденьем моего «фотёй». (В кресле сидел Джок, стало быть, микрофон бесспорно отразил, помимо борьбы, еще и некоторые вульгарные звуки.) С редкой фантазией Джок опустил жучок в широкий бокал, затем добавил воды и таблетку «алка-зельцера». После чего неудержимо расчихикался – жуткое зрелище и звуковые эффекты.

– Держи себя в руках, Джок, – сказал я, – ибо нам предстоит работа. Кве ходи нон эст, эрас эрит[11 - Которой сегодня не существует, существовала, будет существовать (искаж. лат.)], что означает: завтра, примерно в полдень, я рассчитываю оказаться арестованным. Произойти это должно в Парке, если

возможно, чтобы я мог устроить сцену, буде сочту это уместным.

Непосредственно после чего эту квартиру обыщут. Тебя здесь быть не должно, и с тобой здесь не должно быть сам-знаешь-чего. Вложи в обивку жесткого верха, как и раньше, поставь жесткий верх на «эм-джи-би» и отгони к Спинозе на техобслуживание. Убедись, что видишь перед собой мистера Спинозу лично. Будь там ровно в восемь. Понял?

- Ну, мистер Чарли.

С этими словами он проковылял к себе в спальню на другой стороне холла, откуда я еще долго слышал его довольные хихиканье и флатуленцию. Спальня у него аккуратная, меблирована просто, полна свежего воздуха: именно такой хочется видеть спальню сына-бойскаута. На стене висит сводная таблица Знаков отличия и званий Британской армии; на тумбочке у кровати – фотопортрет Шёрли Темпл[12 - Шёрли Темпл Блэк (1928-2014) – американская актриса, позже государственный деятель. В кино начала сниматься с трех лет.] в рамочке; на комодe – модель галеона, не вполне законченная, и тщательно выровненная стопка журналов «Моторный цикл». Мне кажется, в качестве лосьона после бритья Джек пользуется хвойным дезинфектантом.

Моя же спальня – довольно верная реконструкция рабочего места недешевой шлюхи периода Директории[13 - Исполнительная Директория – правительство Французской республики из пяти директоров в ноябре 1795 – ноябре 1799 гг. Конец Директории положил государственный переворот 18 брюмера.]. Для меня она полна очаровательных воспоминаний, но вас – мужественного британского читателя – наверняка бы стошнило. Ну-ну.

Я погрузился в счастливый бессновиденческий сон, ибо ничто не сравнится с вольной борьбой в очищении разума жалостью и ужасом; это единственный ментальный катарсис, заслуживающий своего имени. Да и не бывает сна слаще сна несправедливого.

То была ночь среды, и никто меня не разбудил.

Я – человек, пред вами я стою:

Пусть зверь я, что ж – по-зверьи мне и жить!

Имей я хвост и когти, человек

Бесхвостый был бы господин, а так

Пусть обезьяны хвост себе стригут

И прикрывают лядвия себе, –

Я же, подобный льву, не изменю

Того, что сотворил со мной Господь...

Все мебелируют логова свои –

А я соломе свежей буду рад.

«Апология епископа Блуграма»

Никто не разбудил меня до десяти часов прекрасного летнего утра, когда ко мне вошел Джок – с чаем и канарейкой, распевавшей до самозабвения, как с ней это обычно и бывает. Я пожелал доброго утра обоим: Джок предпочитает, чтобы я приветствовал канарейку, а настолько мелкая услуга ничего не стоит.

– Ах, – добавил я, – старое доброе успокоительное, «улун» или «лапсанг»!

– Э?

– Принеси-ка мне трость, мои наижелтейшие туфли и старый зеленый «хомбург», – не отпускал цитату я. – Ибо я отправляюсь в Парк кружиться в буколических танцах[14 - Пелэм Грэнвилл Вудхаус (1881–1975). «Неподражаемый Дживз» (1923).].

– Э?

– О, не обращай внимания, Джок. Это во мне говорит Бертрам Вустер.

- Как скажете, мистер Чарли.

Мне часто снится, что Джоку стоит заняться сквошем. Из него выйдет отличная стена.

- Ты отогнал «эм-джи-би», Джок?

- Ну.

- Хорошо. Все в порядке? - Разумеется, глупый вопрос и, разумеется, я немедленно за него поплатился.

- Ну. Только, э-э... сама-знайте-что никак не влезала под обивку, пришлось по краям немного подрезать, ну, сама понимаете.

- Ты подрезал сам ты что не может быть Джок...

- Ладно, мистер Чарли, это шутка у меня была такая.

- Так, хорошо, Джок. Велли-коллепно. Мистер Спиноза что-нибудь сказал?

- Ну. Неприличное слово.

- Н-да, я так и думал.

- Ну.

Я приступил к своему каждодневному «шрекликхьяйт»[15 - Зд.: ужасу (искаж. нем.)] вставания. С периодической помощью Джока я осмотрительно отрывался от душа в пользу бритвы, от декседрина в пользу невыносимого выбора галстука; и в безопасности прибыл сорок минут спустя к самым рубежам завтрака - единственного заслуживающего такого названия, завтрака «шмино»[16 - Железнодорожника (искаж. фр.)]: огромной чаше кофе, изукрашенной кружевом, фестонами и филигранью рома. Я проснулся. Меня не тошнило. Сонная улитка вползла на терн - хотя бы так[17 - Аллюзия на «Песню Пиппы» из драматической поэмы Роберта Браунинга (1812-1889) «Пиппа проходит».].

- Мне кажется, у нас нет зеленого «хомбурга», мистер Чарли.

- Это ничего, Джок.

- Могу послать девочку привратника в «Локс», если желайте.

- Нет, это ничего, Джок.

- Она сбегает за полкроны.

- Не надо, это ничего, Джок.

- Как скажете, мистер Чарли.

- Тебя не должно быть в квартире через десять минут, Джок. И здесь лучше не оставаться ни оружию, ни чему подобному, разумеется. Вся сигнализация включена и замкнута. «Фото-Рекорда» заряжена пленкой и поставлена на взвод. Сам знаешь.

- Ну, знаю.

- «Ну», - подтвердил я, установив дополнительный набор кавычек вокруг этого слова; вот такой уж я вербальный сноб.

Стало быть, представьте себе эдакого дородного распутника, на всех парусах рассекающего вдоль по Аппер-Брук-стрит курсом к Сент-Джеймзскому парку и увлекательнейшим приключениям. На щеке его лишь подрагивает крохотная мышца - вероятно, по доброй традиции, - в остальном же он внешне безукоризненно изыскан, уравновешен, не прочь купить букетик фиалок у первой же девицы, швырнув ей золотой соверен; капитан Хью Драммонд-Маккабрей[18 - Хью «Бульдог» Драммонд - герой «крутых» детективов (с 1920 г.) английского писателя Германа Сайрила Макнила («Сапера», 1888-1937), армейский офицер, после Первой мировой войны открывший собственное детективное агентство.], кавалер «Военного креста», с опереточной мелодией на свистающих устах и складкой шелкового нижнего белья, зажатой меж обильно припудренных ягодиц, господи его благослови.

Само собой, они за мной кинулись, едва я вынырнул из дома – ну, не вполне за мной, ибо то был «передний хвост», к тому же весьма прециозно выполнявшийся: ребят из ГОПа натаскивают год, я вас умоляю, – однако навалились они на меня отнюдь не в полдень, против предсказанного. Взад и вперед расхаживал я мимо пруда (твердя непростительные вещи другу моему пеликану), а они только и делали, что вид, будто пристально изучают подкладки своих нелепых шляп (кои топорщились дуплексными рациями, вне всякого сомнения), да подавали украдкой друг другу тайные сигналы, применяя свои красные узловатые руки. Я уже в самом деле начал думать, что переоценил Мартленда, и совсем было собрался двинуться против течения к клубу «Реформа», где заставил бы кого-либо угостить меня ланчем – холодный стол у них не сравнится ни с чьим на свете, – когда:

Вот они. По одному с каждого бока. Громадные, праведные, умелые, смертоносные, глупые, беспринципные, суровые, настороженные, нежно меня ненавидящие.

Один возложил сдерживающую длань на мое запястье.

– Подите от меня прочь, – проблеял я. – Вы где себя полагаете – в Гайд-парке?

– Мистер Маккабрей? – умело пробурчал он.

– Прекратите умело мне бурчать, – возмутился я. – Ибо это, как вам хорошо известно, я.

– Тогда я вынужден попросить вас проследовать со мной, сэр.

Я вытаращился. Я понятия не имел, что так до сих пор говорят. Меня бежит слово «ошеломленно»?

– Э? – произнес я, беззастенчиво цитируя Джока.

– Вы должны пройти со мной, сэр. – Тут он заработал хорошо, полностью проникся ролью.

– Куда вы меня ведете?

– Куда бы вы хотели пойти, сэр?

– Э-э... домой?

– Боюсь, так не годится, сэр. Там у нас не будет нужного оборудования, понимаете.

– Оборудования? А, ну да. Вполне понимаю. Боже милостивый. – Я посчитал тактовую частоту пульса, кровяные тельца и еще какие-то необходимые детали организма. Оборудование. Черт возьми, да мы с Мартлендом вместе ходили в школу. Они пытаются меня напугать, это явно.

– Вы пытаетесь меня напугать, это явно, – сказал я.

– Нет, сэр. Пока еще не пытаемся, сэр.

Вы можете придумать по-настоящему остроумный ответ вот на такое? Я тоже не смог.

– Ну что ж тогда. Значит, в Скотланд-Ярд, полагаю? – бодро сказал я, в особенности ни на что не надеясь.

– Вообще-то нет, сэр, это тоже не годится, сами понимаете. Они там насмерть узколобы. Мы думали, может, в нашу Сельскую больницу, что в сторону Эшера.

Однажды Мартленд в минуту несдержанности поделился со мной сведениями о «Сельской больнице», после чего кошмарные сны не отпускали меня несколько ночей.

– Нет нет нет нет, нет нет нет! – жизнерадостно вскричал я. – Я ни за что не осмелюсь утруждать вас, ребята, столь долгой прогулкой.

– Ну что ж, – произнес Страхолюдина-П, впервые распустив язык, – как тогда насчет вашей собственной сельской дачки возле Стоук-Поджис?

Должен признаться, тут я мог самую малость побледнеть. Моя частная жизнь – книга, открытая для всех и каждого, но я все же пребывал в убеждении, что

«Посеет» – убежище, ведомое лишь нескольким моим ближайшим друзьям. Там нет того, что можно счесть незаконным, однако я сам держу в этом месте кое-какое оборудование, которое кое-кто мог бы счесть фривольным. Немножко в духе мистера Норриса – ну, сами понимаете[19 - Имеется в виду Артур Норрис, персонаж романа «Мистер Норрис меняет поезда» (1935) английского писателя Кристофера Ишервуда (1904–1986), тайный мазохист, коммунист и французский шпион в нацистской Германии.].

– Сельский домик? – парировал я, быстрый как молния. – Сельскидомик сельскидомик сельски-домик?

– Именно, сэр, – подтвердил Страхолюдина-II.

– Милый и уединенный, – съязвил его простодушный партнер.

После нескольких фальстартов я высказал предположение (теперь уже невозмутимо, обходительно, бесстрастно), что приятнее всего сейчас было бы навестить старину Мартленда: восхитительный парень, ходил со мной в одну школу. Похоже, они были счастливы подхватить любое мое предложение – при условии, что оно таково, – и в следующий же миг мы втроем уже грузились в случайно крейсирующее поблизости такси, и С-л-II бормотал на ушко таксисту адрес, как будто я не знал, где Мартленд обитает, так же хорошо, как собственный налоговый кодекс.

– Нортгемптон-парк, Кэнонбери? – хихикнул я. – С каких это пор старина Мартленд зовет его Кэнонбери?

Они оба улыбнулись мне – эдак по-доброму. Почти столь же гадко, сколь культурна бывает улыбка Джока. Температура моего тела упала чуть ли не на два градуса, я даже почувствовал. По Фаренгейту, разумеется, – зачем мне преувеличивать?

– Я имею в виду, это даже еще не Ислингтон, – лопотал я диминуэндо, – скорее Ньюингтон-Грин, если вам небезынтересно мое мнение. То есть, что за смехотворное...

Тут я заметил, что интерьеру случайно крейсировавшего поблизости такси недостает некоторой обычной арматуры, вроде извещений о стоимости проезда,

рекламных наклеек, дверных ручек. А имелись в нем зато радиотелефон и один наручник, приделанный к рым-болту в полу. Я несколько притих.

Похоже, они считали, что наручник им не понадобится; сидели и смотрели на меня задумчиво, почти доброжелательно, словно тетушки, желающие узнать, чего я хотел бы к чаю.

Мы подъехали к дому Мартленда как раз в тот миг, когда его «мини» в кружавчик продребезжало со стороны Боллз-Понд-роуд. Запарковалась машинка довольно неряшливо, после чего изрыгнула самого владельца, сердитого и насквозь промокшего.

Это было и хорошо, и плохо.

Хорошо, поскольку означало, что Мартленд не задержался при осаде моей квартиры: Джек со всей очевидностью замкнул мне все охранные системы в соответствии с инструкциями, и Мартленд, мастерски просочившись кино пленкой сквозь парадную дверь, наверняка был встречен моей сиреной «Лом-О-Взломщик Мод. IV» и могучими каскадами воды из автоматических противопожарных установок. Более того – затем в общее веселье влился пронзительно настойчивый звонок, закрепленный на недостижимой высоте на моем фасаде, а в полицейском участке на Хаф-Мун-стрит замигали огни – равно как и на Брутон-стрит, где располагается станция всемирно известной охранной организации, которую я всегда называю «Держи-Вора». Изящная камера-робот японского производства, делающая снимок в секунду, наверняка отщелкивала один кадр за другим из своего орлиного гнезда в потолочной люстре, но что хуже всего – вверх по лестнице уже летела мегера-консьержка, и злокачественный язык ее щелкал, как пастуший бич буров.

Задолго до того, как мы подружился с мистером Спинозой, он попросил неких своих друзей «выставить мою фатеру», как они выражаются, только ради того, чтобы я ознакомился с процедурой. Гомон колоколов и сирен был неописуем, потоки воды неотвратимы, конфликт дородных парней из автомашин «зед»[20 - «Автомшины “зед”» – многосерийный теледетектив из жизни английской полиции; передавался по каналу «Би-би-си-1» с 1962 по 1978 г. Z-car – измененное название патрульного автомобиля (Q-car) британского Департамента уголовного розыска.], вспыльчивых ребят из службы охраны и обыкновенных негодяев довольно ужасен, а языка консьержки, перекрывающего все остальное своей недвусмысленной омерзительностью, и вовсе нельзя было

вынести. Бедный Мартленд, с удовольствием подумал я.

Вероятно, мне следует объяснить здесь, что:

(а) Люди из ГОПа, само собой, не носят при себе никаких удостоверений и тщательно стараются не попадаться на глаза обычной полиции, ибо их работа отчасти состоит в разбирательствах с легавыми-озорниками;

(б) Некие крысы преступного мира в последнее время с исключительной прозорливостью совершили некоторое количество намеренно неуклюжих и мерзких «деяний» под видом ГОПа;

(в) Обычной полиции не очень нравятся люди даже из настоящего ГОПа;

(г) Безмозглые забияки из моей охранной конторы всегда выхватывают свои перечные пистолеты, дуплексные рации, баллончики с анилиновой краской, доберман-пинчеров и резиновые дубинки со свинчаткой задолго до того, как начинают задавать вопросы.

Боже милостивый, ну там, должно быть, и катавасия случилась. И определенно благодаря одной маленькой камере всю квартиру мне мило отделает заново миссис Спон – давно пора, следует заметить, – за чей-то чужой счет.

И боже милостивый – как зол, должно быть, Мартленд.

Да – это, разумеется, плохо. Он пригвоздил меня одним-единственным тусклым взглядом, бесшумно (тучные мужчины перемещаются с поразительной грацией и т. д.) проскакал вверх по ступеням, уронил ключи, уронил шляпу, наступил на нее и наконец предвосхитил нас собственным вхождением в дом. Ничего хорошего Ч. Маккабрею это не сулило, рассудил я. Страхолюдина-П, пропуская меня вперед, оглядел меня с такой благожелательностью, что завтрак положительно вспенился у меня в тонкой кишке. Смело сжав ягодицы, я вступил в дом и с толерантной усмешкой окинул взором то, что хозяин называл, вероятно, «Гостиной». Портьер с таким рисунком я не наблюдал нигде с тех пор, как соблазнил Заведующую Пансионом своей Исправительной Школы; ковер сбежал из фойе провинциального синематографа, а на обоях присутствовали ключья крохотных серебристо-серых геральдических лилий. Да уж, воистину. И нигде, разумеется, ни пятнышка. С обстановки можно было обедать – если,

конечно, закрыть на нее глаза.

Мне сказали, что я могу сесть, – на самом деле, даже принудили меня к посадке. Я ощущал, как печень моя, тяжелая и хмурая, давит мне на сердце. Ланча мне больше не хотелось.

Мартленд, перепоявившись уже переодетым, был сух, возвращен в себя и искрился весельем.

– Так так так, – вскричал он, потирая руки. – Так-так.

– Я должен идти, – твердо заявил я.

– Нет нет нет, – вскричал он. – Как же, вы только что вошли. Чего изволите выпить?

– Виски, будьте добры.

– Велли-коллепно. – Себе он начислил сполна, мне – ни капли.

«Ха ха», – подумал я.

– Ха ха, – высказался я вслух, осмелев.

– Хо хо, – лукаво парировал он.

В тишине мы затем просидели добрых пять минут – компания, судя по всему, рассчитывала, что я начну возмущенно лопотать, я же был полон решимости ни во что подобное не пускаться, лишь немного волновался, не рассердит ли это Мартленда еще пуще. Минуты мотылялись. Я слышал, как в жилетном кармане одного из Страхолюдин тикают крупные дешевые часы – вот насколько старомодны эти люди. По мостовой за окном пронесся юный отпрыск иммигрантов, во всю глотку визжа: «Мгава! Мгава!» – или что-то в этом смысле. Физиономия Мартленда упокоилась в самодовольной ухмылке напитанного портвейном и смачной беседой хозяина шикарного дома в кругу друзей и любимых. Жаркое, чесучее, зудящее отдаленным автомобильным движением молчание не прекращало раздражать. Хотелось в уборную. А они продолжали

смотреть на меня – вежливо, внимательно. Умело.

Наконец Мартленд выкарабкался из кресла с поразительной грацией и т. д. и водрузил на проигрыватель пластинку, после чего привередливо выставил баланс квадрофонических колонок. Очень славный альбом с записями проезжающих мимо поездов – мы все такие покупали, когда впервые могли позволить себе стерео. Я никогда не устаю от такой музыки.

– Морис, – вежливо обратился Мартленд к одному из своих хулиганов. – Не будете ли вы любезны принести двенадцативольтовую автомобильную батарею высокого напряжения? Она подзаряжается в подвале... А вы, Алан, – обратился он к другому, – будьте добры задернуть шторы и спустить с мистера Маккабрея брюки?

Ну и что можно совершить, когда происходит вот такое? Бороться? Какое выражение должно принять породистое лицо? Презрения? Негодования? Величавого безразличия? Пока я выбирал надлежащую мину, меня искусно лишили белья, а на лице моем запечатлелась только низменная паника. Мартленд деликатно оборотился ко мне спиной и занялся выжиманием дополнительных децибел из своей стерео-установки. Морис – в моей памяти он навсегда останется Морисом, – уютно пристроил первую клемму на место, а через полминуты Мартленд похотливо дал сигнал к присоединению второй. С изумительной согласованностью «Летучий шотландец»[21 - «Летучий шотландец» – железнодорожный экспресс Лондон – Эдинбург, с 1862 г.] стереофонически взвыл, приближаясь к переезду со шлагбаумом. Я состязался с ним монаурально.

Так и тянулся этот долгий день. Однако, должен признать, счет минутам потерян не был. Я могу вытерпеть все, за исключением боли; мало того – меня крайне расстраивает одна мысль о том, что кто-то может намеренно делать мне больно и притом не морщиться. Эти люди, похоже, инстинктивно знали тот рубеж, на котором я решился вскричать «капиви»[22 - Зд.: Ты знал! (искаж. ит.)], ибо когда я после этого пришел в себя, они уже снова надели на меня брюки, а в трех дюймах от моего носа маячил огромный стакан виски, и с поверхности жидкости мне подмигивал стеклярус пузырьков. Пока я пил, окружающие лица зыбко консолидировались: на вид – добрые, довольные мной, гордые мной. Я их не опозорил, понимал я.

– С вами все в порядке, Чарли? – участливо спросил Мартленд.

– Я немедленно должен отлучиться в уборную, – ответил я.

– И отлучитесь, мой дорогой мальчик, отлучитесь. Морис, поспособствуйте мистеру М.

Морис отвел меня в детский тубзик: детвора вернется из школы еще только через час, сообщил он. Я обрел некоторое утешение в белочках и зайках Маргарет Таррант[23 - Маргарет Таррант (1888–1959) – английская художница, иллюстратор.]. А утешение мне требовалось.

Когда мы возвратились в Гостиную, граммофон распространял, если угодно, «Лебединое озеро». У Мартленда ум незамысловат: вероятно, соблазняя продавщиц, он ставит на вертушку «Болеро» Равеля.

– Ну, выкладывайте, – нежно, чуть ли не ласково сказал он – таким он представляет себе абортмахера с Харли-стрит.

– У меня попа болит, – проскулил я.

– Да, да, – отвечивал он. – Но фотография.

– Ах, – глубокомысленно изрек я, качая головой. – Фоготрафик. Вывылили мновиски наглодный жлудок. Выжзна шшояне обедал.

С этими словами я довольно театральным манером вернул им некоторое количество потребленного напитка. На лице Мартленда отразилась досада, но я решил, что на чехол его софы изливание подействовало благотворно. Следующие две или три минуты мы обошлись без дальнейшего ущерба для нашей новообретенной взаимности. Мартленд пояснил, что фотографию они и впрямь обнаружили – за Тёрнером в Национальной галерее в 5.15 утра. Она была заткнута за «Улисса, высмеивающего Полифема» (№ 508). Он продолжал, будто на судебном разбирательстве:

– На фотографии изображены э-э... две совершеннолетние особи мужского пола э-э... приходящие к соглашению.

– Вступающие во взаимодействие, вы имеете в виду?

– Вот именно.

– И одно из лиц оказалось вырезано?

– Оба лица.

Я встал и дошел до того места, где покоилась моя шляпа. Два чурбана не пошевелились, но как бы наострили уши. Вообще-то я далеко не в той форме, чтобы нырять в окна. Я отогнул ленту, оторвал краешек бортовки и протянул Мартленду крохотный фотографический овал. Он тупо взглянул на него.

– Что ж, мой дорогой мальчик, – мягко сказал он. – Нехорошо дразнить наше любопытство. Кто этот джентльмен?

Настал мой черед глядеть тупо:

– Вы в самом деле не знаете?

Он обзрел овал снова.

– Ликом ныне гораздо более волосат, – подсказал я.

Он покачал головой.

– Парень по фамилии Глоуг, – сообщил я. – Своим друзьям, по некой непристойной причине, известен как «Фугас». Он сам сделал этот снимок. В Кембридже.

Мартленд – неожиданно, необъяснимо – весьма и весьма озаботился. Равно как и его кореша – они вдруг все сгрудились, передавая из одних немых рук в другие крохотное изображение. После чего все закивали – сперва неуверенно, затем убежденно. Выглядели при этом довольно забавно, но я слишком утомился, чтобы поистине этим зрелищем насладиться.

Мартленд развернулся ко мне – лицо его сулило пагубу.

– Полноте, Маккабрей, – изрек он, отбросив всю учтивость. – Выкладывайте на сей раз все. И быстро, пока я не вышел из себя.

– Сэндвич? – застенчиво попросил я. – Бутылочку пива?

– Позже.

– Ой. Ну ладно. Фугас Глоуг пришел три недели назад. Отдал мне свое вырезанное лицо и попросил хранить понадежнее – оно означало амнистию для него и деньги в банке для меня. Объяснять ничего не стал, но я знал, что он не вздумает и пытаться меня надуть – Джок приводит его в ужас. Еще Глоуг сказал, что впредь будет звонить мне каждый день, а если один пропустит, это будет означать, что у него неприятности, и я должен передать вам, чтобы спросили у Тёрнера в Национальной галерее. Вот и все. Насколько я знаю, Гойя тут ни при чем, – я просто ухватился за возможность шепнуть вам словцо. А у Фугаса действительно неприятности? Вы упекли его в свою проклятую Сельскую больницу?

Мартленд пренебрег ответом. Лишь постоял, глядя на меня и потирая щеку – скрежет при этом стоял гадкий. Я едва не расслышал, как он прикидывает, не вытянет ли из меня батарея немножко больше правды. Я надеялся, что нет: правду следует предоставлять тщательно отмеренными порциями, чтобы у Мартленда разыгрался здоровый аппетит ко лжи, подаваемой позднее.

Вероятно, он решил, что я не лгу, – пока, во всяком случае; быть может, ему просто хватило треволнений.

На самом же деле, он даже отдаленного понятия не имел, насколько ему придется поволноваться.

– Уходите, – в конце концов промолвил он.

Я взял шляпу, отряхнул ее, направился к двери.

– Не уезжать из города? – подсказал я уже у порога.

– Не уезжайте из города, – рассеянно отозвался он. Не хотелось напоминать ему о сэндвиче.

Я вынужден был пройти много миль, прежде чем отыскалось такси. Все дверные ручки у него были на месте. И я крепко уснул – сном доброго и преуспевающего лжеца. Боже милостивый, во что превратилась квартира. Я протелефонировал миссис Спон и сообщил ей, что готов к косметическому ремонту. Она приехала незадолго до обеда и помогла нам привести все в порядок – успех ее не испортил, – а после мы провели беззаботный час перед камином, выбирая чинц[24 - Чинц – английский ситец, набивная хлопчатобумажная декоративная ткань с рисунком на белом или светлом фоне; используется для штор.], обои и прочее; а еще после все втроем расселись за кухонным столом и поглотили такую огромную жареху, какую немногие в наше время готовят.

Миссис Спон покинула нас, и я сказал Джоку:

– Знаешь что, Джок? – и он ответил мне:

– Не, чего?

– Я думаю, мистер Глоуг мертв.

– От жадности, должно быть, – эллиптически заметил мой камердинер. – И кто, по вашему разумению, его, стало быть, ухайдакал?

– Мистер Мартленд, полагаю. Но сдается мне, что в кои-то веки об этом пожалел.

– Э?

– Именно. Что ж, доброй ночи, Джок.

– Доброй ночи, мистер Чарли.

Я разделся и применил еще немного «Божественной помады» к своим увечьям. На меня вдруг обрушилась опустошительная усталость – со мной всегда так случается после пыток. Джок засунул мне в постель грелку, благослови его господь. Он понимает.

И понимать я начал – в этот круг
Лишь околдован мог я забрести
Иль в страшном сне! Нет далее пути...
И я сдаюсь. Но в это время звук
Раздался вслед за мною, словно люк
Захлопнулся. Я, значит, взаперти.

«Чайлд-Роланд»[25 - «Роланд до Замка Черного дошел». Перевод В. Давиденковой.]

Для меня заря забрезжила ровно в десять – вместе с одной из прекраснейших чашек чаю, с какими мне выпадала честь забавляться. Канарейка пребывала в великолепном голосе. Сонная улитка опять взгромоздилась на терн и не проявляла никаких признаков желания с него снисползти. Я едва поморщился, когда о себе дали знать волдыри от Мартлендовых батарей, хотя на какой-то стадии и ощутил прискорбную нехватку гусиной шеи Пантагрюэля.

Я продолжительно поболтал по телефону со своими страховыми агентами и объяснил им, как они могут вцепиться Мартленду зубами в ухо за тот урон, что был нанесен моему интерьеру, а также посулил им фотопортреты незваных гостей, как только Джок их проявит.

Затем обрядился в самый свой экстравагантный камвольный костюм в тропической весовой категории, котелок с завитыми кверху полями и пару ботинок из оленьей кожи, сотворенных Лоббом[26 - «Джон Лобб» – английская фирма, производящая дорогую обувь и прочие кожаные изделия, с 1866 г.] в приступе гениальности. (Галстухмой, если не изменяет память, был разновидности «фуляр»[27 - Шейный платок (искаж. фр.)], преимущественно – «мерде-дуа»[28 - Гусиный помет (искаж. фр.)] расцветкой, хотя почему вас это должно интересовать, я и вообразить не могу.) Подобным образом

экипированный – и с недурственно навазелиненными волдырями, – я профланировал в Парк, дабы обынспектировать пеликана и прочих своих пернатых друзей. Они оставались в превосходной форме. «Такие погоды, – казалось, глаголили они, – капитальны». Я одарил их благословением.

После чего нанес ознакомительный визит в трущобы художественно-торгового района, тщательно стараясь не меняться в лице, разглядывая витрины лавок... прошу прощения, галерей – с выставленными в них неряшливыми Шейерами[29 - Уильям Шейер-старший (1787–1879) – английский живописец.] и заезженными Куккуками[30 - Может иметься в виду любой из голландских художников по фамилии Куккук: Баренд Корнелиус (1803–1862), Херманус (1815–1882), Йоханнес Херманус (1778–1851), Марианус Адрианус (1807–1870) или Уиллем (1839–1895).]. Хей-хо. Спустя несколько времени, удостоверившись, что за мною нет «хвоста» (обратите внимание, это важно) ни спереди, ни сзади, я нырнул во «Двор каменщика». Там, разумеется, тоже имеются галереи, но я вознамерился повидаться с мистером Спинозой, а он – торговец искусством лишь в одном, весьма специфическом смысле.

Мойше Спиноза Барзилай, говоря вообще, – это «Бэзил Уэйн и Ко», величайший специалист по кузовным работам, о котором даже вы, мои невежественные читатели, наверняка слыхали, хотя и одна десятая процента вас никогда не сможет себе позволить его достославную набивку панелей, а еще меньше – просто княжескую обивку кузова. Если, само собой, вы не занижаете свое общественное положение и не являетесь по случаю индийским магараджей или владельцем техасских нефтепромыслов.

Мистер Спиноза создает очень специальные эксклюзивные кузова для величайших автомобилей мира. Он слыхал о Хупере и Маллинере[31 - Хупер и Маллинер – английские мастера кузовных работ, создававшие корпуса для автомобилей компании «Роллз-Ройс». Фирма Хенри Джервиса Маллинера существовала независимо с 1900 по 1939 г., изготавливала корпуса для модели «Серебряный призрак» с 1920 г. Кузовная фирма Хупера ведет свое начало от каретников английских королей.] и высказывается о них душевно, хоть и довольно смутно. Он готов время от времени реставрировать или воссоздать старинный «роллз», «инфанту» или «мерседес» – если окажется в настроении. О «бугатти», «кордах», «хиронделях» и восьмицилиндровых «лейландах» с ним можно разговаривать. А также еще о примерно трех других «marques»[32 - Марках (фр.)]. Но попросите его подшаманить «мини» рюшами и серебряными дозаторами кондомов или встроить в «ягуар» откидные скамьи для блуда – и он

плюнет вам в глаз. Я не шучу ни капли! Более всего он любит «испано-сюизу» – «исси-сюсси». Сам я склонности этой понять не в силах, а вот поди ж ты.

Помимо этого он интересуется противозаконностью. Это у него такое хобби. Не из-за денег же, в самом деле.

В данный момент для моего лучшего клиента он перестраивал довольно поздний «роллз-ройс» «Серебряный Призрак», который я отчасти и явился инспектировать. Клиент мой, Милтон Крампф (да-да, я не преувеличиваю) обзавелся им у истинного негодяя, который стяжал это авто на какой-то ферме: оно стояло на колодах и приводило в действие соломорезку и репокрошилку после долгой карьеры скотовоза, катафалка, семейного автомобиля, охотничьего выезда, баронского свадебного подарка и передвижной трахостанции; все это, понятное дело, в обратном порядке. Мистер Спиноза отыскал для него шесть изумительно подходящих «лафетных колес» по сотне фунтов за штуку, выстроил досконально точный открытый туристский кузов «Руа де Белж»[33 - Бельгийский король (искаж. фр.).] и покрыл его шестнадцатью слоями белил королевы Анны, причем каждый втирался мокро-сухим способом. Теперь же он завершал оливково-зеленую обивку салона из жатого левантийского сафьяна и хорьковой щеткой наносил вручную симпатичные арабески вдоль линий «карроссери»[34 - Кузов (искаж. фр.)]. Разумеется, не собственноручно – он слеп. Вернее, был.

Я обошел машину кругом, восхищаясь ею Платонически. Не имело смысла ее вождедеть – то был автомобиль человека богатого. Поглощает примерно семь галлонов на милю – это ничего, если вы хозяин нефтяного месторождения. А у Милтона Крампфа месторождений много. С начала и до конца машина встанет ему фунтов в 24 000. Сумма эта от него убавит столько же, сколько раскопки пальцем в носу. (Говорят, человек, знающий, насколько богат, вовсе ничуть не богат; так вот, Крампф – знает. Каждое утро ему звонит человек – через час после открытия Нью-Йоркской фондовой биржи – и рассказывает, насколько именно Крампф богат. Радость на весь день.)

Шкодливый подмастерье сообщил мне, что мистер Спиноза у себя в кабинете, и я проложил себе путь в те пенаты.

– Приветствую, мистер Спиноза! – жизнерадостно вскричал я. – Исключительное утро для бурления жизни.

Он злобно глянул на три дюйма выше моего левого плеча.

– Эбайй убъюбог, – сплюнул он. (Живет без нёба, понимаете. Бедняга.) – Эбайй гганый пыггобог, и гебе гвагаег гаггоггы гуг поыгагга, пыггагаг ггагый?

Остальная речь его звучала довольно грубо, и цитировать ее дословно я, пожалуй, не стану. Раздражен же он был тем, что днем раньше я отослал ему свой «эм-джи-би» с небольшой особой начинкой под обивкой в такой небожески ранний час. «С ласточкина сранья», по его точному выражению. Более того: он опасался, что люди решат, будто он действительно над этой машиной трудится, а у него в голове развился кошмарный мысльобраз выстроившихся в очереди парней в матерчатых кепках, и всем до зарезу нужно, чтобы он заново покрасил их «эм-джи».

Едва он добрался до вроде бы венца своей тирады, я подбавил в голос металла:

– Мистер Спиноза, – сказал я. – Сюда я пришел не для того, чтобы обсуждать свои отношения с моей мамочкой, кои могут служить предметом дискуссии лишь между мной и моим психиатром. Я пришел с протестом против того, что вы употребляете Неприличные Слова в присутствии Джока, а он, как вам хорошо известно, натура чувствительная.

На что мистер С. ответил еще более разнообразным ассортиментом гораздо более неприличных слов, причем некоторые мне так и не удалось разобрать, однако в мерзостности их сомневаться не приходилось. Когда воздух немного очистился, мистер Спиноза оскорбленно предложил мне прогуляться до «роллза» и обсудить его фары. С изумлением и печалью узрел я в гараже огромный и вульгарный «дуйзенбёрг» – если это правильно пишется, – о чем и не преминул заметить, чем вызвал новую тираду. Никаких дочерей у меня от роду не водилось, что, однако, не помешало мистеру Спинозе обрисовать весь их жизненный путь от родильного дома до, так сказать, уличной панели. Я облокотился на борт «Серебряного Призрака», восхищаясь мастерством оратора. «Пир разума, полет души», – так подытожил бы его речь Александр Поуп (1688–1744)[35 - Строка из его «Подражаний Горацию» (1733–1738), сатира 1, кн. 2.].

Пока мы с ним таким цивилизованным манером пересылали друг другу пасы беседы, с южной стороны «Двора каменщика» до нас донесся звук, который я

способен описать лишь как ДОНК. Более-менее одновременно с ним примерно в трех футах к северу от моего пупка случился БЗДЫНЬ, и на дверной панели «Серебряного Призрака» образовалась довольно крупная папула. Сопоставив одно с другим во мгновение ока, я улегся наземь, даже не подумав о дороговизне моего костюма. Послушайте, в конце концов я матерый трус. Мистер Спиноза, оглаживавший в тот момент дверцу рукой, осознал, что кто-то покушается на качество его кузовных работ. Он выпрямился и вскричал:

– Эй! – хотя, возможно, это было «Ой!».

Снаружи раздался еще один ДОНК, за которым на сей раз последовал никакой не БЗДЫНЬ, а некий отчетливый чвак, – и большая часть затылка мистера Спинозы изобильно распределилась по стене, у которой мы с ним стояли. На мой костюм, с радостью могу вам доложить, ничего не попало. Вслед за чем мистер Спиноза тоже прилег – но уже, разумеется, опоздав. В его верхней губе возникла иссиние-черная дыра, а из угла рта выпрыгнула часть искусственной стоматологической конструкции. Выглядел он довольно зверски.

Хорошо бы сказать, что он мне нравился, но, сами понимаете, я его никогда особо не любил.

Джентльмены моего возраста и полноты («выше среднего», как говорят портные) почти никогда не перемещаются на четвереньках по промасленным полам гаражей, в особенности – обряженными в дорогие и сравнительно ненашенные тропические камвольные костюмы. Тем не менее, то явно был день нарушения всех правил, посему я приник носом чуть ли не к самому полу и бежал – довольно успешно. Должно быть, выглядел я при этом презабавно, однако мне удалось перебраться через двор и ввалиться в двери «Галереи О’Флёрти». Мистер О’Флёрти, хорошо знавший моего отца, – престарелый еврей по фамилии Гроэнблаттер или как-то так, и ловок, как эфиоп. Завидев меня, он прижал ладони к щекам и покачал головой из стороны в сторону, поминально заголосив нечто вроде «Ммм-Ммм-Мммм» где-то между соль и верхним до.

– Как сегодня торговля? – храбро осведомился я голосом несколько шатким.

– И не спрашивайте, и не спрашивайте, – машинально ответил он, после чего: – Кто же это на вас напал, Чарли, мальчик мой, – чей-то супруг? Или, Б-же упаси, чья-то супруга?

– Послушайте, мистер Г., на меня никто не нападал. Просто у мистера Спинозы какие-то неприятности, мне хотелось оттуда поскорее убраться – ибо кому захочется ввязываться? – и в процессе я споткнулся и упал, вот и все. А теперь, как мой добрый друг, вы должны попросить Перса уже вызвать мне таксомотор, я не очень хорошо себя чувствую. – С мистером Г. я всегда так разговариваю, на чем ловил себя неоднократно.

Перс, маленький – потому что хозяину большой не по карману, – головорез мистера Г. с крысиной мордочкой, раздобыл для меня такси, и в обмен я пообещал мистеру Г. подослать хорошего клиента: я знал, это свяжет ему язык.

По прибытии домой я рухнул в кресло, неожиданно содрогаясь от запоздалого ужаса. Джок заварил чашку изумительно освежающего чая с мятой, от которой мне получшеало несоизмеримо – тем более, когда я запил ее четырьмя жидкими унциями виски.

Джок заметил, что, если я стану утверждать, будто меня сбило автотранспортное средство, страховое агентство купит мне новый костюм. Подобное замечание довершило мое исцеление, и я незамедлительно связался с агентами, ибо мой бонус «безопасного водителя» давно истаял в дымке времен вместе с детством. Ничто не сравнится с небольшой страховкой, если требуется разгладить морщины на обеспокоенном челе, – поверьте мне на слово. Джок тем временем отправил девочку привратника на такси в «Прюнье» за ланчем «а порте»[36 - Навынос (искаж. фр.)]. В него входило миленькое суфле с палтусом, «Варьете Прюнье» (шесть устриц, и всякая наособицу приготовлена) и два их фирменных «пти-по-де-крэм-де-шоколя»[37 - Горшочка шоколадного крема (искаж. фр.)].

Я немного вздремнул, проснулся значительно умиротворенным и остаток дня с пользой провел наедине с моей ультрафиолетовой машиной и восковым карандашом, размечая участки перекраски («усиления», как мы называем это в нашем ремесле) роскошного панно, принадлежащего кисти – ну, более-менее кисти – Алунно ди Амико ди Сандро. (Дай бог здоровья Беренсону[38 - «Ученик друга Сандро» (искаж. ит.)]. Бернард Беренсон (1865–1959) – американский художественный критик и знаток итальянского искусства. Много лет служил советником лорда Дювина. Далее в тексте упоминается под именем «Бернардо Татти» – его особняк во Флоренции носит название «И Татти». В первых номерах «Бёрлингтонского журнала для знатоков» (ежемесячное академическое издание об изящных и декоративных искусствах, с 1903 г.) публиковал очерки о

«реконструированных» итальянских художников Возрождения «Друге Сандро» (Боттичелли, ок. 1445–1510) и «Ученике Доменико» (Гирландайо, 1449–1494), на основании впечатлений от работ, ошибочно, по его мнению, приписываемых другим художникам.], я всегда говорю.) После чего набросал несколько пассажей своей работы для «Бёрлингтонского журнала», в которой я докажу – раз и навсегда, – что мадонна Тайяра[39 - Картина «Мадонна с младенцем» («Мадонна Тайяра», ок. 1477–1510) приписывается итальянскому живописцу Джорджоне (Джорджо Барбарелли да Кастельфранко, 1476/77–1510) или художникам его круга. Названа именем французского коллекционера герцога де Тайяра.] в музее Ашмола[40 - Музей Ашмола – музей и библиотека древней истории, изящных искусств и археологии при Оксфордском университете, основаны в 1683 г, названы именем основателя Элиаса Ашмола (1617–1692).] в действительности написана Джорджоне, что бы там ни утверждал этот ужасный Беренсон.

На обед у нас были свиные отбивные с почками внутри, жареный картофель и пиво. Я всегда отправляю Джока с кувшином за разливным и заставляю при этом надевать кепку. У пива после этого вкус лучше, а Джоку, похоже, без разницы. Девочке привратника они, изволите ли видеть, не наливают.

После обеда приехала миссис Спон, вооруженная изобилием образцов канители, кистей и кретонов на чехлы для подушек и прочего, а также с розовой противомоскитной сеткой для ширм вокруг моей кровати. Касаемо сетки пришлось явить твердость – должен признать, она была очень мила, однако я настоял, что мальчику больше подобает голубая. Я хочу сказать, у меня, конечно, имеется причуда-другая, но я же не извращенец, Христа ради, разве нет? – спросил у нее я.

Она уже начала чуточку сердиться, когда явился Мартленд и замаячил в дверном проеме, словно проблема загрязнения окружающей среды. В позе для него бесспорно застенчивой, но отчетливо угрожающей для остальных.

Нехотя они признали, что шапочно знакомы. Миссис Спон метнулась к окну. Мне известно множество людей, способных метаться, и миссис Спон из них последняя. Повисло эдакое липкое молчание – как раз того сорта, что я предпочитаю. Наконец Мартленд прошептал:

– Быть может, вам лучше попросить старушенцию покинуть нас, – и шепот его был уж чересчур театрален.

Миссис Сион набросилась на него и его От-чи-та-ла. Я слышал о ее талантах в этой области, но ни разу не выпадала мне честь слышать, как она отмыкает свою лексическую сокровищницу. Эмоциональное пиршество, высокая литература: Мартленд зримо увял. Никто не сравнится с утонченно образованной трижды разведенной дамой во владении вербальным хлыстом. «Бородавка на заднице налогоплательщика», «юный содержанец инспектора дорожного движения» и «полковник Уигг для нищих»[41 - Джордж Эдвард Сесил Уигг, барон, полковник Британской армии (1900–1983) – английский политик, при премьер-министре Гарольде Уилсоне служил генеральным казначеем, а в этой должности осуществлял связь кабинета с британской разведкой и тайными службами.] – вот лишь несколько преподнесенных ею любезностей, но воистину их было больше, гораздо больше. Наконец, она унеслась, оставив по себе облако «Рагаццы» и очень симпатичных эпитетов. На ней был костюм с замшевыми бриджами, но можно поклясться – минуя Мартленда, она влекла за собой двенадцатифутовый трен из парчи.

– Ну и ну! – воскликнул он, когда она скрылась из виду.

– Да, – подтвердил я удовлетворенно.

– М-да. Что ж, Чарли, послушайте – вообще-то я пришел, чтобы сообщить вам, как жаль мне и как стыдно, что между нами такое произошло.

Я смерил его своим фирменным ледяным взглядом. Тем, что побольше, экономичного размера.

– Я имею в виду, – продолжал он, – что вам отвратительно досталось, и мне кажется, следует все вам объяснить. Мне хочется ввести вас в картину – что даст вам некоторое преимущество, должен признать, – и э... попросить у вас э... помощи.

«Иди ты!» – подумал я.

– Садитесь, – бесстрастно произнес я. – Сам я предпочитаю стоять – по причинам, кои вскоре станут вам понятны. Я определенно намерен выслушать ваши объяснения и извинения; что же до всего прочего, обещать ничего не могу.

– Хорошо, – ответил он. Немного помялся, как тот, кто рассчитывает, что сейчас ему предложат выпить, и полагает, что вы забыли оказать ему такую честь. Осознав, что сегодня у него явно Вечер Воздержания, Мартленд продолжил: – Вы знаете, почему сегодня утром застрелили Спинозу?

– Ни малейшего, – со скукой в голосе ответил я, хотя весь день в мозгу у меня циркулировало множество версий. Неверных, впрочем.

– Выстрелы предназначались вам, Чарли.

Сердце мое безответственно затрепетало в грудной клетке. Подмышки увлажнились и похолодели, и мне захотелось в уборную.

То есть, электрические батареи и так далее – это одно, в пределах разумного, само собой, но если вас кто-то желает прикончить, навсегда, – эту мысль разум принять отказывается; ему такую мысль хочется выблевать. Обычные люди просто не располагают ментальными или эмоциональными клише, которые помогут им справиться с подобным известием.

– И как же вы можете быть настолько в этом уверены? – через мгновение-другое спросил я.

– Ну, если говорить до конца откровенно, Морис полагал, что подстрелил именно вас. Поскольку именно вас и намеревался подстрелить.

– Морис? – переспросил я. – Морис? В смысле – ваш Морис? И зачем же только ему это могло понадобиться?

– Ну, вообще-то я как бы ему велел.

Тут, в конце концов, сел и я.

Из теней у двери плавно выделилась необработанная масса Джока, подплыла и упокоилась за моим креслом. В кои-то веки дышал он носом и на выдохе жалобно присвистывал.

– Звонили, сэр?

Джок в самом деле превосходен. То есть, вообразите – сказать такое. Что за такт, что за «савуарфэр»[42 - Сноровка (искаж. фр.)], что за опора молодому хозяину в момент стресса. Мне сразу стало значительно лучше.

– Джок, – произнес я. – У тебя случайно не при себе латунный кастет? Через минуту-другую я могу попросить тебя ударить мистера Мартленда.

На самом деле Джок, разумеется, не ответил – он способен распознать риторический вопрос на слух. Но я почувствовал, как он ощупывает свой задний карман – «мою кошелку», как он его называет, – где шесть унций искусно вылепленной латуни поселились в уюте и вони еще в те времена, когда Джок работал в Хокстоне самым младшим малолетним преступником.

Мартленд же энергично и нетерпеливо качал головой:

– Все это совершенно не обязательно, совершенно. Постарайтесь понять, Чарли.

– Постарайтесь мне объяснить, – ответил я. Мрачно, как человек, мучимый болями в заду.

Мартленд подавил то, что я принял за вздох.

– Tout comprendre, c'est tout pardonner[43 - Все понять – значит, все простить (фр.)], – сказал он.

– Послушайте, вот это мило!

– Чарли, да я полночи рассказывал этому кровожадному старому маньяку в Министерстве внутренних дел о том, как мы вчера с вами поболтали.

«Поболтали» – это хорошо.

– И когда я сообщил ему, сколько всего вам известно об этом деле, – продолжал Мартленд, – ничто уже не могло его разубедить, что с вами должно покончить навсегда. «С крайним предубеждением» – вот как он выразился, глупый паскудник. Начитался триллеров за чаем, должно быть.

– Нет, – любезно поправил я. – В триллеры это еще не попало, только в «Санди Таймз». Это жаргон ЦРУ. Должно быть, он читал досье «зеленых беретов».

– Это как угодно, – продолжал Мартленд. – Это как угодно... – Очевидно, ему пришлось по вкусу сей округлый речевой оборот. – Это как угодно, только я старался осведомить его, что мы пока не знаем, что знаете вы и, что самое важное, откуда вы это узнали; а посему безумием было бы ликвидировать вас на этой стадии. Э-э, разумеется, на любой стадии, но такого я сказать, разумеется, не мог, правда? В общем, я пробовал убедить его передать дело на рассмотрение министру, но он ответил, что министр к этому времени уже наверняка пьян, а сам он недостаточно упрочен в своем положении, чтобы безнаказанно тревожить его в такое время, да и в любом случае... В любом случае, мне пришлось последовать общему правилу, поэтому сегодня утром я счел наилучшим отрядить на задание Мориса – он мальчик импульсивный, – и предоставить вам честный шанс на выживание, понимаете? И, Чарли, я крайне, крайне доволен, что он подстрелил не того парня.

– Да, – подтвердил я. Но мне стало любопытно, откуда он узнал, что утром я буду у мистера Спинозы.

– А откуда вы узнали, что утром я буду у мистера Спинозы? – как бы между прочим поинтересовался я.

– Так ведь Морис за вами следил, Чарли. – Распахнув глаза, точно это само собой разумеется.

«Чертов лжец», – подумал я.

– Понимаю, – сказал я.

Я извинился и вышел под предлогом того, что мне нужно переодеться во что-нибудь поудобнее, как в таких случаях говорят распутницы. Что-нибудь поудобнее было изумительно вульгарным смокингом из синего бархата, в который миссис Спон некогда собственноручно вшила целую паутину хитроумно расположенной тесьмы, поддерживающей довольно ненадежный древний револьвер шулера с колесных пароходов – с золотыми накладками, калибром где-то около .28. У меня осталось всего одиннадцать допотопных патронов шпилечного воспламенения, и я серьезно сомневался в их полезности, не говоря

уже о безопасности. Они, однако, не предназначались для чьего-нибудь убийства – просто я сам должен был почувствовать себя молодым, крутым и умелым. Люди, у которых пистолеты – для убийства других людей, хранят их в коробках или ящиках; а если вы носите пистолет на себе, то это просто для того, чтобы увереннее держаться в седле. Я прополоскал рот зубным эликсиром, заново смазал вазелином волдыри и легким галопом вернулся в гостиную – гордый, насколько позволяло мне седло с высокой лукой.

За креслом Мартленда я помедлил и задумался, насколько не нравится мне его затылок. Нет, не складки тевтонского жира, кои топорщились свиной щетиной, ничего подобного, отнюдь; лишь аккуратное и ненавистное самодовольство, ничем не подкрепленная, однако неуязвимая наглость. Как у женщины-журналистки, ну ей-богу. Я решил, что могу позволить себе роскошь утраты самообладания – это впишется в ту картину, которую я желал бы нарисовать. А потому я вытащил револьверчик и ввинтил его дулом в левое слуховое отверстие Мартленда. Тот сидел по-настоящему тихо – с нервами у него никаких неполадок не имелось, – и говорил жалобно:

– Ради всего святого, поосторожнее с этой штукой, Чарли, патроны шпилечного воспламенения весьма и весьма нестойки.

Я повинтил еще немного; от этого становилось лучше моим волдырям. Как это на него похоже – совать нос в мое разрешение на огнестрельное оружие.

– Джок, – бодро сказал я, – сейчас мы дефенестрируем мистера Мартленда.

Глаза Джока зажглись:

– Я принесу бритву, мистер Чарли.

– Нет-нет, Джок, не то слово. Я имею в виду, что мы сейчас выкинем его из окна. Из окна твоей спальни, я думаю. Да, а сначала мы его разденем и скажем, что он с тобой заигрывал, а потом выпрыгнул сам в неистовстве отвергнутой любви.

– Послушайте, Чарли, нет, в самом деле, какая гнилая и грязная мысль. То есть, подумайте о моей жене.

– Я никогда не думаю о женах полицейских – их красота сводит меня с ума, как вино. Как бы то ни было, оттенок содомии заставит вашего министра прихлопнуть все это дело Уведомлением Д[44 - Уведомление Д (от англ. defence, оборона) – официальное письмо, рассылаемое британскими правительственными учреждениями органам печати, радио- и телевизионным компаниям с указанием тем и вопросов, не подлежащих оглашению.], а это нам обоим полезно.

Джок уже выводил его из комнаты посредством «Пойдем-Со-Мной-Тихонько» – приема, который предполагает болезненное участие мизинца жертвы. Джок выучился этому от медсестры душевно-оздоровительного заведения. Там тоже работают умелые парни.

Джокова спальня, как водится, буквально разрывалась от того, что в «Дабл-Ю .1» сходит за свежий воздух, – вещество потоком вливалось в широко распахнутое окно. (И почему только люди строят дома, чтобы не впускать в них климат, а затем дырявят стены, чтобы все-таки его впустить? Никогда не пойму.)

– Покажи мистеру Мартленду, какие в этом районе шипастые ограды, Джок, – противно сказал я. (Вы и представить себе не можете, каким противным оказывается мой голос, если я прилагаю усилия. Некогда я служил адъютантом – в настоящей Гвардии.) Джок высунул Мартленда и придержал, чтобы тот смог насладиться зрелищем, затем приступил к раздеванию. Мартленд стоял, не оказывая сопротивления, и в уголке рта у него трепетала сомнительная улыбка, пока Джок не начал расстегивать на нем ремень. После чего Мартленд заговорил – и поспешно.

Все бремя песенки его сводилось к тому, что – если только удастся разубедить меня в необходимости продолжения выбранного мною курса действий, – он обо всем договорится, и я получу:

(i) несказанные богатства Востока,

(ii) его неувядающее уважение и почет, и

(iii) судебный иммунитет для меня и моих близких, да-да, вплоть до третьего и четвертого колен. Вот в этом месте я наострил уши. (О как же хотелось мне действительно уметь шевелить ушами, а вам? Казначей моего колледжа умел.)

– Станным образом вы меня заинтересовали, – сказал я. – Оставь его в покое на минутку, Джок, ибо сейчас он нам Расскажет Все.

Мы его больше и пальцем не тронули – не умолкал он по собственной воле. Не нужно быть трусом, чтобы не любить падений с тридцати футов на шипастые ограды, особенно в голом виде. Уверен, на его месте я бы тоже проболтался.

История до сего момента была такова, а именно: Фугас Глоуг с необычайным отсутствием изящества влез этой «клубничкой» непосредственно в ухо своему старому Однокласснику – второй половине участников скетча «Приходящие к соглашению особи мужского пола», – отправив ему 35-миллиметровый контактный фотоотпечаток неприличного снимка. (Это никоим образом не входило в оговоренный план и раздражало до невероятия. Полагаю, ему до зарезу потребовались деньги на карманные расходы; бедняжка, попросил бы у меня.) Ныне весьма августейший одноклассник, живущий в постоянном ужасе перед Сестрой своей жены и другими Родственниками, решил все же расстаться с разумной суммой, о которой встал вопрос, но также пригласил помощника комиссара столичной полиции на ужин, и за портвейном раскинул осторожные щупальца, как то: «А что ваши парни сейчас делают с шантажистами, а, Фредди?» – и так далее. Помощник комиссара, видевший некий неопубликованный материал по Однокласснику в сейфе редактора газеты, отпрянул, как испуганный жеребец. Решив, что знать о таком ему крайне непозволительно, он – возможно, из мести – сообщил Однокласснику имя и номер старины Мартленда. «Просто на случай, если кого-нибудь из ваших знакомых начнут донимать, сэр, ха ха».

После чего Одноклассничек приглашает на ужин Мартленда и предоставляет ему все новости, годные для печатной страницы. Мартленд отвечает: «Предоставьте это нам, сэр, мы привыкли иметь дело с паскудниками такого пошиба», – и принимается действовать.

На следующий день Фугаса навещает некий конюший и, благородно похмыкивая в усы командира эскадрона, вручает ему портфель-дипломат, набитый большими и грубыми на ощупь десятифунтовыми банкнотами. Пять минут спустя туда же галопом врывается Мартленд со своими гауляйтерами и уволакивает несчастного Фугаса в злополучную Сельскую больницу. Там Глоуг сводит краткое знакомство с автомобильным аккумулятором, после которого значительно смягчает и снова приходит в себя с уставным стаканом скотча под носом. Только сделан Глоуг из матерьяла попрочнее моего; так часто бывает с

обычными гомосеками.

– Пфу! – говорит он вздорно – а может, и «Фи!». – Уберите от меня эту гадость. У вас что, нет шартреза? И напрасно думаете, что вы меня пугаете: я обожаю, когда меня мутузят такие большие и волосатые дорогуши.

И он это доказывает на деле, и показывает им. Всех тошнит.

А у Мартленда инструкция – лишь вколотить в Фугаса страх божий и удостовериться, что эта фотографическая неприятность прекратится немедля. В приказе ему особо подчеркнули: не напирать, – и ничего особо возмутительного не рассказали, но по природе своей, а также из привычки, развившейся за долгое время, Мартленд любопытен; кроме того, у него выработался довольно нездоровый ужас перед гомиками. И он решает добраться до самых глубин этой загадки (возможно, не самое удачное тут выражение) и вынудить Фугаса Рассказать Все.

– Очень хорошо, – мрачно говорит он. – От вот этого вам станет больно по-настоящему.

– Вы всё обещаете, – жеманится Фугас.

Поэтому на сей раз его обрабатывают так, что боль добивает до самого основания диафрагмы, – такой даже Фугас вряд ли способен насладиться. Придя в сознание, он очень сердит, но также испуган, что утратит свою привлекательность, а потому рассказывает Мартленду, что в лице достопочтенного Чарли Маккабрея у него имеется очень мощная страховка, и лучше бы им поостеречься, так что вот. После чего накрепко затыкается, и Мартленд, теперь уже в ярости, обрабатывает его еще разок: до того момента подобная обработка резервировалась исключительно для китайских «кротов». Ко всеобщему смятению, Фугас падает замертво. Сердчишко дохленькое, понимаете.

Ну что, на войне, как говорится, и похуже бывает, да и Фугас вообще-то никому на самом деле не нравился, кроме, наверное, пары-другой гвардейцев из Челсийских барачков, но Мартленд – не тот человек, который ценит милости, не означенные в договоре. Все это дело оставляет в нем осадок совершеннейшей неудовлетворенности, и в особенности – потому, что он до сих пор не

разобрался, что же все это значит.

Стало быть, судите сами о его досаде, когда Одноклассник вызванивает его в нешуточной тревоге и просит прибыть к нему немедленно и привезти с собой несчастного Фугаса. Мартленд отвечает: да, разумеется, буду у вас через несколько минут, вот только э-э трудновато будет доставить мистера э-э Глоуга в данный момент. По приезде ему показывают – в совершенной потере рассудка – крайне тревожное письмо. Даже Мартленд, чей вкус несет на себе несколько пятнышек, пугается бумаги, на которой оно написано: имитация пергамента с краями сколь неровными, столь и позолоченными, на верху страницы – богато вытисненный липовый герб, а внизу – многокрасочный вид заката в пустыне. Адрес, выписанный древлеанглийскими буквицами: «Rancho de los Siete Dolores de la Virgen, штат Нью-Мексико». Короче говоря, письмо – от моего очень доброго клиента Милтона Крампфа.

И в нем говорится – заметьте, сам я это послание и в глаза не видел, предлагаю вам лишь парафраз Мартлендова отчета, – что мистер Крампф буквально преклоняется перед выдающимся Одноклассником и желает основать клуб его поклонников (!) с тем, чтобы распространять малоизвестные биографические материалы о вышеупомянутом Однокласснике среди сенаторов, конгрессменов, британских парламентариев и «Пари-Матч». (Этот последний – согласитесь, ужас.) Далее оно гласит, что на автора сего вышел некий мистер Тубус Глотк: он готов поучаствовать в начинании иллюстрированными воспоминаниями о «ваших взаимных школьных деньках в Кембридже». Кроме того, он рассуждает, как бы им троим где-нибудь встретиться и посмотреть, не получится ли придумать что-нибудь к их обоюдной выгоде. Иными словами, «клубничка». Застенчивая и неуклюжая – быть может, но все всяких сомнений – она. (Таким образом, к сему моменту уже два члена труппы съехали с катушек, и лишь я один остался здоровым и ответственным. Мне кажется.)

Мартленд сделал в своей повести паузу, и я не стал его торопить: ибо это очень плохие новости – если миллионер сходит с ума, страдают люди победнее его. Я так озаботился, что, не подумав, дал Мартленду выпить. Роковая ошибка – ему полагалось нервничать и дальше. А так, стоило ему насосаться старым знакомым соком, он преисполнился было самоуверенности, и фигура его снова приняла обычную, раздражающе помпезную осанку. До чего же его, надо полагать, презирали собратья по офицерскому корпусу, наблюдая, как он угрозами и лизанием задниц всползает по ступеням карьерной лестницы. Но вместе с тем не следовало забывать, что он опасен – и гораздо умнее, нежели

выглядит или говорит.

– Мартленд, – сказал я через некоторое время, – вы сказали, что ваши наймиты выследили меня сегодня утром до Спинозы?

– Именно. – Бодро, чересчур бодро. Он явно снова ощутил в себе силы.

– Джок, мистер Мартленд рассказывает мне выдумки. Шлепни его, пожалуйста.

Джок продрейфовал из сумрака, нежно освободил Мартленда от бремени стакана, склонился и милостиво уставился ему в лицо. Мартленд вытаращился на него в ответ, широко распахнув глаза и даже слегка приоткрыв рот. Это ошибка – открытый рот. Огромная лапа Джока описала в воздухе полукруг и хлопнула Мартленда по щеке, отдавшись звонким эхом выстрела.

Мартленд спланировал над подлокотником софы и остановился только у деревянной стенной панели. Некоторое время посидел там; его крохотные глазки сочились слезами ненависти и страха. Рот его, теперь закрытый, корчился – полагаю, он считал зубы.

– Сдается мне, с моей стороны, быть может, это глупо, – сказал я. – То есть, убить вас – достаточно безопасно, это как бы свяжет все концы навсегда, не так ли, а просто-напросто делать вам больно – от такого в вас только разыграется мстительность.

Я дал ему некоторое время подумать, осознать все мерзкие подтексты. Он подумал. Осознал. И наконец выжал из себя тошнотворную ухмылку – зверское зрелище, скажу я вам, – встал и сел снова.

– Я не стану держать на вас зла, Чарли. Осмелюсь сказать, вы считаете, что я заслужил небольшой порки за сегодняшнее утро. Вы по-прежнему не в себе, я имею в виду.

– В ваших словах что-то есть, – искренне признал я, ибо в его словах что-то было. – У меня сегодня состоялся длинный день, наполненный хандрой и увечьями. Если я немедленно не лягу, вероятнее всего, я вынесу крайне ошибочное суждение. Спокойной ночи.

С этими словами я вымелся прочь из комнаты. Рот Мартленда снова открылся, когда я закрывал дверь.

Краткая восхитительная сессия под теплым душем, пробежка дентальным средством вокруг старых бастионов слоновой кости, дуновение детской присыпки «Джонсонз» тут и там, нырок под одеяло – и я снова сам себе голова. Идиотский отход Крампфа от сценария тревожил меня, возможно, сильнее, чем покушение на мою собственную жизнь, но я чувствовал: нет ничего такого, о чем с большей выгодой я не смогу потревожиться завтра, кое, как широко известно, просто новый день.

Я выполоскал из сознания все заботы несколькими страницами Фёрбэнка[45 - Артур Аннсли Роналд Фёрбэнк (1886–1926) – английский писатель, автор тонко стилизованных под сказки «комедий манер».] и бережно и любовно отплыл в страну грез. Сон для меня – не просто отключка: это весьма позитивное блаженство, кое следует вкушать с наслаждением и знанием дела. То была хорошая ночь; сон нежил меня, словно знакомая пикантная любовница, у которой в запасе всегда есть новое удовольствие, коим можно удивить пресытившегося возлюбленного.

Волдырям моим тоже было значительно лучше.

4

Семь утра на солнечных часах,

Склон холма в жемчужинах росы...

«Пиппа проходит»[46 - Перевод С. Шестакова.]

Я восславил Джока веселой песней, едва он пробудил меня, но души в декларацию не вложил. На самом деле утро настало в десять, как обычно, и Аппер-Брук-стрит была попросту мокра. День скрипел на зубах, моросил и лип к телу, а небо несло в себе цвет мышиного помета. Пиппа осталась бы в постели, и ни одна сонная улитка в здравом уме не стала бы взползать ни на какой терн. Моя чашка чаю, обыкновенно струящаяся, как нежный дождик с небес, на вкус

была что клюка стервятника. У канарейки, похоже, случился запор, и она одарила меня угрюмым взглядом, а не привычной строфой-другой песенки.

– Мистер Мартленд внизу, мистер Чарли. Ждет уже полчаса.

Я зарычал и натянул на голову шелковую простыню, забуриваясь обратно в маточное тепло, где никто не может сделать вам больно.

– Посмотрели б вы на его рыло, куда я его стукнул, – любо-дорого, честно. Всех цветов.

Это меня проняло. День может предложить, по крайней мере, хоть что-то. Вопреки здравому смыслу я поднялся.

Полоскание, пол-декседрина, кусочек тоста с анчоусами и халат от Шарве[47 - Жозеф-Кристоф (Кристофль) Шарве (1809–1870) – французский портной, основатель фирмы, производящей дорогую одежду и торгующей ею.] – все это в указанном порядке – и я был готов к любому количеству мартлендов.

– Веди меня к этому своему Мартленду, – распорядился я.

Должен признать – он действительно выглядел очень славно; и прелесть его была не только в роскошных осенних оттенках распухшего рыла – меня заорожила игра выражений, сменявших на означенном рыле друг друга. Можете составить собственный список – у меня к такому сейчас душа не лежит. Самым значительным выражением для нашего повествования, однако, было последнее: нечто вроде застенчивого фальшивого панибратства, проникнутого тщательно отмеренной долей кривизны, вроде пары капель вустерского соуса в тарелке густой подливки.

Он вспрыгнул на ноги и зашагал ко мне – пресловутым рылом вперед, вытянув руку навстречу крепкому мужскому пожатию.

– Снова друзья, Чарли? – пробормотал он.

Настал мой черед отвесить челюсть – меня прошибло потом замешательства и стыда за этого человека. Ну, то есть. Я исторг нечто вроде неприветливого

клекота и, похоже, Мартленд им удовлетворился, ибо отпустил мою руку и с удобством расположился на софе. Чтобы скрыть замешательство, я приказал Джоку приготовить нам кофе.

Его мы ждали в молчании – более или менее. Мартленд попробовал разыграть гамбит с погодой – он из тех людей, кто всегда знает, когда с насеста над Исландией поднимется новая клиновидная депрессия. Я любезно объяснил, что пока не изопью своего утреннего кофе, из меня плохой ценитель метеорологии.

(Каковы корни этой странной британской одержимости погодой? Как могут взрослые мужчины, строители Империи, всерьез обсуждать, идет дождь или нет, шел ли он и какова вероятность, что пойдет? Вы можете вообразить самых пустоголовых парижан, венцев или берлинцев за столь вздорной болтовней? «Ils sont fous ces Bretons», утверждает Обеликс[48 - Эти англичане – полоумные (фр.). Обеликс – персонаж комиксов французских писателя Рене Госинни (1926–1977) и художника Альбера Юдерзо (р. 1927) об Астериксе, профессиональный скульптор и доставщик менгиров. Его фирменная фраза: «Эти римляне – психи».], и он прав. Полагаю, на самом деле это лишь еще одно проявление фантазий англичанина о почве. Даже самый урбанистичный горожанин в сердце своем – самый что ни на есть крестьянский йомен и втайне мечтает о кожаных гамашах и дробовике.)

Прибыв, кофе (как же трудно писать без абсолютного аблатива) некоторое время был цивилизно заглатываем нами, передававшими друг другу сахар, сливки и прочее, время от времени лучисто и неискренне друг другу улыбаясь. Затем я это дело прекратил.

– Вы собирались мне сообщить, как узнали, что я у Спинозы, – сказал я.

– Чарли, ну почему вас так завораживает именно эта деталька?

В самом деле – очень хороший вопрос, но как раз на него я не имел намерений отвечать. Я безучастно посмотрел на Мартленда.

– О, ну вообще-то все довольно просто. Так вышло, что нам было известно: у Спинозы есть... скорее, было... около четверти миллиона грязных фунтовых банкнот с Великого Ограбления Поезда. Он заплатил за них чистыми пятерками и получил 175 фунтов за цент. Жулик проклятый. Ну и мы знали: скоро ему

придется их сбрасывать, поэтому наняли некоего молокососа, который работает в одной из галерей «Двора каменщика», чтобы присматривал за Спинозой. И любая э-э... интересная личность, которая к нему заглядывает – мы сразу узнаем о ней по «уоки-токи» нашего молокососа.

– Вот как, – промолвил я. – Именно такой сюжет я называю захватывающим. А как насчет визитеров до открытия галерей?

– А, ну да – что ж, здесь нам, конечно, пришлось рисковать. То есть, у нас просто нет средств на все эти слежки сменным методом. Стоит целое состояние.

Поверив ему, я мысленно вздохнул с облегчением. Мне в голову пришло еще одно.

– Мартленд, а ваш стукач – часом не карапуз по имени Перс, работает в «Галерее О'Флёрти»?

– Вообще-то да, по-моему, он.

– Так и думал, – сказал я.

Я наострил ухо: за дверью переминался Джок, сопел носом, делал себе мысленные заметки, если их уместно так назвать. Нет сомнений – мне стало гораздо легче, стоило узнать, что подкуплен только Перс; если бы со мной в уличную шлюшку вздумал играть сам мистер Спиноза, все бы провалилось. Да еще и с каким треском. Должно быть, я позволил своему лицу несколько расслабиться, ибо поймал Мартленда на том, что он любознательно на меня смотрит. Так не годится. Сменить тему.

– Ну что ж, – от всей души возопил я. – Так о чем мы договорились? Где все те богатства Востока, которые вы мне навязывали вчера? «Больше того – даже полцарства» – я полагаю, так формулировалась сумма?

– Ох, ну в самом деле, Чарли, вчера было вчера, не так ли? То есть, мы оба несколько переутомились, правда? Вы же не станете мне это припоминать...

– Окно на месте, – просто ответил я, – а также Джок. И про себя могу сказать, что переутомлен по-прежнему: никто прежде не пытался хладнокровно меня убить.

– Но в этот раз я принял очевидные меры предосторожности, верно? – сказал он, похлопав себя по заднему карману. Что подсказало мне: его пистолет если где-то и на нем, то, разумеется, подмышкой.

– Давайте сыграем в одну игру, Мартленд. Если вы успеете достать эту штуку прежде, чем Джок вас стукнет по голове, получаете кокос.

– Ой, бросьте, Чарли, хватит петуха гонять. Я вполне готов предложить вам существенные э... привилегии и э... уступки, если вы подыграете в этом деле на нашей стороне. Вам чертовски хорошо известно, что я в дерьме, и если мне не удастся вас завербовать, этот ужасный старик в Министерстве внутренних дел опять взвоет, желая вашей крови. Что вас устроит? Я уверен, вас не интересуют те деньги, что может предложить мой департамент.

– Думаю, я бы предпочел бешеную собачку.

– Господи, Чарли, неужели нельзя посерьезнее?

– Нет, в самом деле – борзую. Серебристую такую, знаете?

– Но не хотите же вы сказать, что желаете стать королевским дипломатическим курьером? Бога ради, зачем вам? И что заставляет вас думать, будто мне удастся об этом договориться?

Я ответил:

– Во-первых, да, желаю. Во-вторых, не суйтесь не в свое дело. В-третьих, вам удастся, если придется. Кроме того, еще мне нужен дипломатический паспорт и привилегия доставить мешок с диппочтой в посольство в Вашингтоне.

Он откинулся на спинку – всезнающе и расслабленно:

– И что скорее всего будет находиться в мешке? Или это тоже не мое дело?

– Вообще-то – «роллз-ройс». В мешок он, конечно, не поместится, но весь будет увешан дипломатическими пломбами. То же самое.

Выглядел Мартленд суровым, встревоженным: недопришпоренный разум яростно проворачивался вхолостую – его «дё шво»[49 - Две лошади (искаж. фр.).] пытались осилить такой угол наклона.

– Чарли, если он будет набит наркотиками, ответ – нет, повторяю – нет. Если это грязные фунтовые банкноты в разумных количествах, я могу постараться что-то сделать, но после, думаю, защитить вас мне уже не удастся.

– Ни то, ни другое, – твердо ответил я. – Даю слово чести.

Я посмотрел ему в глаза искренне и ровно, дабы он не сомневался, что я лгу. (Эти бумажки с Поезда придется вскоре поменять, не так ли?) В ответ он тоже окинул меня взглядом, как надежного товарища, затем аккуратно свел вместе кончики всех десяти пальцев, разглядывая их со скромной гордостью, будто совершил что-то умное. Он думал изо всех сил, и ему было безразлично, видно это кому-нибудь или нет.

– Что ж, полагаю, в таком разрезе можно что-нибудь придумать, – наконец ответил он. – Вы, разумеется, понимаете, что степень сотрудничества, которая от вас ожидается, будет пропорциональна сложности обеспечения того, что вы для себя просите?

– О да, – солнечно ответил я. – Вы захотите, чтобы я убил мистера Крампфа, не так ли?

– Именно так. Как вы догадались?

– Это же ясно: с Фугасом теперь э-э... покончено, а потому Крампфа в живых оставлять ну никак нельзя, зная то, что знает он, правда? И могу добавить, что пережить это мне будет трудновато: так уж вышло, что он – мой неплохой клиент.

– Да, я знаю.

– Я и не сомневался, что уже должны. Иначе я бы, вероятно, об этом и речи не заводил, ха ха.

– Ха ха.

– Как бы там ни было, на такого богатого парня, как Крампф, надавить невозможно – получится только убить. Кроме того, ясно, что я могу подобраться к нему очень близко, а нанимая для этого меня, вы, по вашим оценкам, сэкономите себе целое состояние. Более того: с вашей точки зрения, никто не сравнится со мной в одноразовости, и через меня едва ли можно выйти на какое-либо официальное агентство. И наконец: если я сработаю грубо и сяду на электрический стул, вы убьете и Крампфа, и меня одним желчным камешком.

– Ну, кое-что из этого – более или менее правда, – признал Мартленд.

– Да, – сказал я.

Затем я сел за свой глупенький французский письменный столик – это его остроумный делец назвал «малёр-дю-жур»[50 - Несчастье дня (искаж. фр.)], поскольку сильно за него переплатил, – и составил список того, что мне нужно от Мартленда. Довольно длинный. Пока Мартленд читал, лицо его темнело, но он все выдержал, как настоящий маленький мужчина, и тщательно сложил бумажку себе в бумажник. Я заметил, что наплечной кобуры у него все-таки нет, но то по-любому была не первая моя ошибка за весь день.

Кофе к этому времени уже остыл и превратился в гадость, поэтому я любезно вылил Мартленду в чашку все, что осталось. Полагаю, он не заметил. После этого, сказав пару дружеских банальностей, он откланялся; в какой-то миг я испугался, что он опять захочет пожать мне руку.

– Джок, – сказал я. – Я отправляюсь обратно в постель. Будь так любезен – принеси мне все лондонские телефонные книги, полный шейкер коктейлей – любых, пусть они будут сюрпризом, – и несколько сэндвичей с кресс-салатом и мягким белым хлебом.

Постель – единственное место, годное для продолжительного телефонирования. Кроме того, она изумительно предназначена для чтения, спанья и слушания канареек. Она – не очень хорошее место для секса: секс должен происходить в

креслах, или в ваннах, или на лужайках, которые только что причесали, но давно не стригли, или на песчаных пляжах, если так вышло, что вы обрезаны. Если вы слишком устаете, чтобы заниматься сексом где-либо, кроме постели, вероятно, вы по-любому слишком устаете, и вам нужно экономно расходовать свою мужскую силу. Женщины, как правило, – большие сторонницы секса в постели, поскольку им есть что прятать – неважные фигуры (обычно), и есть что греть – холодные ноги (всегда). С мальчиками, разумеется, все иначе. Но вы это, вероятно, и так знаете. Я не должен впадать в дидактизм.

Через час я восстал, обернул свою персону в тяжелый габардин и трикотажную «рогожку» и спустился в кухню, чтобы предоставить канарейке еще один шанс отнестись ко мне воспитанно. Она отнеслась более чем – песенкой едва не порвала свои крохотные кишки, клянясь, что все еще будет хорошо. Ее заверения я принял сдержанно.

Призвав пальто и шляпу, я затоптал вниз – по субботам я лифтом никогда не пользуюсь, это мой день активных упражнений. (Нет, наверх я, естественно, езжу.)

Из своей берлоги появилась консьержка и что-то принялась мне тараторить; я заставил ее умолкнуть, поднеся палец к губам и значительно подняв брови. Способ никогда меня не подводит. Она уползла, гримасничая и строя мне рожи.

До «Сотби» я дошел пешком, почти всю дорогу втягивая животик – чертовски для него пользительно. Продавалась одна картина, мне принадлежавшая, – маленькое полотно с баржей венецианского аристократа, гондольерами в ливреях на ней и изумительно синим небом. Я приобрел его несколькими месяцами раньше в надежде убедить себя, что оно принадлежит кисти Лонги[51 - Пьетро Лонги (1702–1785) – итальянский жанровый живописец.], но все мои усилия пропали втуне, и я выставил его на «Сотби», где картину аскетически определили как «Венецианскую школу, XVIII век». Цену я довел до той суммы, которую заплатил, а затем предоставил картину самой себе. К моему восторгу, она проскакала еще триста пятьдесят, после чего ее отбарабанили человеку, которого я презираю. В данный момент работа наверняка уже красуется в витрине на Дьюк-стрит с табличкой «Мариески»[52 - Микеле Мариески (1710–1743) – итальянский живописец, специализировался на видах Венеции.] или какой-нибудь подобной чепухой. Я задержался еще на десять минут и прибыль потратил на сомнительного, но восхитительно озорного Бартоломеуса Шпрангера[53 - Бартоломеус Шпрангер (1546–1611) – фламандский художник-

маньерист.], который показывал Марса, приходящего Венеру, не сняв шлема, – какие манеры! По пути из залов я протелефонировал богатому индюководу в Саффолк и продал ему Шпрангера заглазно, за неназванную, как говорится, сумму, после чего праведно поковылял к Пиккадилли. Ничто не сравнится с чуточкой сделок, чтобы немного встряхнуться.

Через Пиккадилли – и даже не сильно напугавшись, – сквозь «Фортнумз» – ради прелестных запахов, – пару шагов по Джермин-стрит – и я уже уютно устроился в «Баре Жюля», где заказывал себе ланч и выпивал пятаю «Белую леди». (Забыл сообщить вам, что за сюрприз приготовил мне Джок; прошу прощения.) Будучи серьезным гастрономом, я, разумеется, сожалею о коктейлях, но с другой стороны я так же сожалею о нечестности, промискуитете, нетрезвости и множестве других прелестей.

Если кто-то и следовал за мной до сего момента – на здоровье, я так считаю. Однако днем мне было нужно личное пространство, где нет места мальчикам из ГОПа, поэтому за едой время от времени я тщательно осматривал обеденный зал. Ко времени закрытия все население бара сменилось, за исключением одного-двух постоянных жильцов, которых я знал в лицо; если и есть за мной «хвост», он должен быть снаружи и очень сердит.

Он и был – снаружи и сердит.

Кроме того, это был человек Мартленда, Морис. (Я, надо полагать, и не рассчитывал на самом деле, что Мартленд станет играть честно: школа, куда мы оба ходили, была не очень хороша. Привольна с содомией и прочим, но сурова с честной игрой, благородством и другими дорогостоящими приложениями, хотя в школьной Капелле о них говорилось много. Холодные ванны, само собой, в изобилии, но вас, кто никогда в жизни такую не принимал, возможно удивит, что реальная холодная ванна – величайший родитель животных страстей. К тому же – паршиво действует на сердце, как мне говорят.)

Перед лицом Морис держал газету и разглядывал меня сквозь дырочку, в ней проковыренную, – совсем как в детских сказках. Я сделал пару быстрых шагов влево – газета развернулась за мной следом. Затем три вправо – и снова газета повернулась, как щиток полевого орудия. Выглядело глупее не придумаешь.

Я подошел к нему и сунул палец в дырочку.

– Бе! – сказал я и стал ждать его сокрушительного ответа.

– Уберите, пожалуйста, палец из моей газеты, – сокрушительно ответил он.

Я пошевелил пальцем еще, высунув нос из-за верхнего обреза газеты.

– Отвали! – рявкнул Морис, побагровев. Так-то лучше.

Я отвалил, весьма довольный собой. За углом Сент-Джеймс-стрит шаркал ногами полисмен – этаким юным, розовым и гневливым страж порядка, какие часто попадаются в наши дни. Амбициозный, добродетельный – сущий дьявол со злоумышленниками.

– Офицер! – рассерженно закричал я. – Меня только что непристойно домогался вон тот жалкий негодяй с газетой. – Трясущимся пальцем я ткнул в сторону Мориса, который виновато завис на полушаге. Полисмен побелел губами и обрушился на него – тот по-прежнему балансировал на одной ноге, распростерши газету, и выглядел поразительно, как жестокая пародия «Эрота» Гилберта на Пиккадилли-Серкус[54 - Эрот – обиходное название памятника (1892–1893) политику и филантропу Энтоли Эшли Куперу 7-му графу Шафтсбери (1801–1885) в центре Пиккадилли-Серкус в Лондоне; скульптор – сэр Алфред Гилберт (1854–1934)]. (А вам известно, что Эрот сделан из алюминия? Я уверен, что где-то в этом таится мораль. Или шутка.)

– Я буду у вас в участке через сорок минут, – крикнул я вслед полисмену и юркнул в проходящее такси. В нем все дверные ручки были на месте.

Итак, я вам уже сообщал, что люди Мартленда проходят годовую подготовку. Эрго[55 - Следовательно (искаж. лат.)], такое быстрое засечение Мориса означало, что Морис находился там исключительно для того, чтобы его засекли. У меня заняло много времени, но в конце я засек и ее – дородную, чисто выбритую тетюшку в «триумф-геральде»: отличная машина, чтобы следить за людьми, неприметная, легко паркуемая и с окружностью поворота туже, чем у лондонского такси. Хотя несправедливо, что у тетюшки при себе не оказалось спутника. Я просто выскочил на Пиккадилли-Серкус, нырнул в один выход подземки и вынырнул из другого. «Триумф-геральды» паркуемы не настолько легко.

Второе такси доставило меня на Бетнал-Грин-роуд, Шордич, – превосходное место, где практикуются всевозможные мудреные ремесла. Получив баснословные чаевые – таков мой глупый обычай, – таксист «дал» мне «Ностальгию по четвертой на Кемптон-Парке». Никак не способный взять в толк, что, ради всего святого, он имел в виду, я поднялся по лестнице в студию моего «подкладочника».

Здесь мне лучше объяснить, что такое «подкладка». Большинству старых картин перед чисткой требуется новая основа. В своем простейшем виде это подразумевает пропитку картины клеем, «композитом» или воском, затем, так сказать, связку ее с новым холстом посредством горячего пресса и гнета. Иногда старый холст восстановлению не подлежит; иногда во время работы краска отстает (картина «вздувается», как говорится). В любом из этих случаев потребен «перевод». Это означает, что картину следует укрепить лицом вниз и удалить с краски все волокна старого холста до единого. После чего на обратную сторону краски приклеивается новый холст, и ваша картина вновь здорова. Если же она написана на доске (дереве), и та сгнила или червива, поистине замечательный «подкладочник» способен отскоблить все дерево и оставить лишь корку краски, на которую затем он цепляет холст. Все это – очень, очень хитрая работа и высоко оплачивается. Хороший «подкладочник» неплохо представляет себе подлинную ценность картины, попавшей к нему в обработку, и обычно запрашивает соответственно. Он зарабатывает больше многих торговцев, его нанимающих. Он незаменим. Любой идиот может почистить картину – многие этим и занимаются, – и большинство умелых художников могут укрепить (подретушировать) или заменить недостающие частички краски; вообще-то многие знаменитые художники хорошо зарабатывают таким побочным занятием, особо его не афишируя. (Очень тонкие работы, вроде судового такелажа, часто пишутся для простоты лаком; его чистить адски трудно, поскольку он, разумеется, сходит вместе с грязной лакировкой. Следовательно, многие чистильщики просто фотографируют такелаж или что там еще бывает у них, беззастенчиво его счищают, а затем пишут заново по фотографии. Ну а почему нет?) Но хороший «подкладочник», как я сказал, – это жемчужина, цены не имеющая.

Пит на жемчужину не похож. Он похож на грязного и зловещего валлийца, но у него причудливо отменные манеры, кои даже самые низменные кельты демонстрируют у себя дома. Он открыл протокольную банку «Спама»[56 - «Спам» – товарный знак мясной гастрономии (свиного колбасного фарша) производства компании «Хормел»; мясные консервы с этим товарным знаком появились в 1937 г.; название является комбинацией англ. слов SPices (специи) +

hAM (ветчина).] и заварил огромный железный чайник славнейшего и крепчайшего «Брук-Бонда Пи-Джи Типс»[57 - «Пи-Джи Типс» - фирменное название чайной смеси компании «Брук Бонд»; от англ. Pregestee, predigested (предварительно переваренный) + tips (почки на побегах чая).]. Я поспешно вызвался приготовить хлеб с маслом - ногти у него нечисты, - и порезать «Спам». Изумительное чаепитие, я обожаю «Спам», а в чае плавало конденсированное молоко, и жидкость получилась густо-оранжевого цвета. (Как отличается, как сильно отличается это от домашнего уклада нашей дражайшей королевы.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/kiril-bonfiloli/ne-tyichte-v-menya-yetoyi-shtykoi/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

В статье использованы материалы The New Yorker, The Independent, Booknik.

2

Форма графина, впервые введенная британским адмиралом лордом Джорджем Родни, первым бароном Родни (1719–1792): основание такой посуды достигало 12 дюймов в диаметре для достижения большей остойчивости. – Здесь и далее прим. переводчика. Переводчик благодарен Михаилу Сазонову за лингвистическую поддержку.

3

Кресло эпохи Регентства (искаж. фр.). Регентство – эпоха управления Франции регентом Филиппом Орлеанским в период несовершеннолетия Людовика XV, в 1715–1723 гг.

4

Савонри – мануфактуры французских королей XVII–XVIII вв., специализировались на выделке ворсовых ковров с пышным полихромным цветочным и арабесковым барочным орнаментом, обычно – на глубоком коричневом или черном фоне.

5

Великое ограбление поезда – знаменитое ограбление почтового поезда в графстве Бакингемшир в 1963 г., когда было похищено более 2 млн фунтов стерлингов.

6

«Веселый мельник», народное детское стихотворение из собрания «Рифмы Матушки Гусыни».

7

Джозеф Дювин (1869–1939) – английский арт-дилер, даривший произведения искусства многим британским музеям и галереям.

8

Кому от этого польза? (искаж. лат.)

9

Кеннет Уолтон Бекетт (1917–2003) – британский спортивный комментатор и телеведущий.

10

Джеки Палло («Мистер ТВ», Джек Эрнест Гаттеридж, 1926–2006) – английский профессиональный борец, звезда спортивного телевидения 1960-70-х гг.

11

Которой сегодня не существует, существовала, будет существовать (искаж. лат.).

12

Шёрли Темпл Блэк (1928–2014) – американская актриса, позже государственный деятель. В кино начала сниматься с трех лет.

13

Исполнительная Директория – правительство Французской республики из пяти директоров в ноябре 1795 – ноябре 1799 гг. Конец Директории положил государственный переворот 18 брюмера.

14

Пелэм Грэнвилл Вудхаус (1881–1975). «Неподражаемый Дживз» (1923).

15

Зд.: ужасу (искаж. нем.).

16

Железнодорожника (искаж. фр.).

17

Аллюзия на «Песню Пиппы» из драматической поэмы Роберта Браунинга (1812–1889) «Пиппа проходит».

18

Хью «Бульдог» Драммонд – герой «крутых» детективов (с 1920 г.) английского писателя Германа Сайрила Макнила («Сапера», 1888–1937), армейский офицер, после Первой мировой войны открывший собственное детективное агентство.

19

Имеется в виду Артур Норрис, персонаж романа «Мистер Норрис меняет поезда» (1935) английского писателя Кристофера Ишервуда (1904–1986), тайный мазохист, коммунист и французский шпион в нацистской Германии.

20

«Автомшины “зед”» – многосерийный теледетектив из жизни английской полиции; передавался по каналу «Би-би-си-1» с 1962 по 1978 г. Z-car – измененное название патрульного автомобиля (Q-car) британского

Департамента уголовного розыска.

21

«Летучий шотландец» – железнодорожный экспресс Лондон – Эдинбург, с 1862 г.

22

Зд.: Ты знал! (искаж. ит.)

23

Маргарет Таррант (1888–1959) – английская художница, иллюстратор.

24

Чинц – английский ситец, набивная хлопчатобумажная декоративная ткань с рисунком на белом или светлом фоне; используется для штор.

25

«Роланд до Замка Черного дошел». Перевод В. Давиденковой.

26

«Джон Лобб» – английская фирма, производящая дорогую обувь и прочие кожаные изделия, с 1866 г.

27

Шейный платок (искаж. фр.).

28

Гусиный помет (искаж. фр.).

29

Уильям Шейер-старший (1787–1879) – английский живописец.

30

Может иметься в виду любой из голландских художников по фамилии Куккук: Баренд Корнелиус (1803–1862), Херманус (1815–1882), Йоханнес Херманус (1778–1851), Марианус Адрианус (1807–1870) или Уиллем (1839–1895).

31

Хупер и Маллинер – английские мастера кузовных работ, создававшие корпуса для автомобилей компании «Роллз-Ройс». Фирма Хенри Джервиса Маллинера существовала независимо с 1900 по 1939 г., изготавливала корпуса для модели «Серебряный призрак» с 1920 г. Кузовная фирма Хупера ведет свое начало от каретников английских королей.

32

Марках (фр.).

33

Бельгийский король (искаж. фр.).

34

Кузов (искаж. фр.).

35

Строка из его «Подражаний Горацию» (1733–1738), сатира 1, кн. 2.

36

Навынос (искаж. фр.).

37

Горшочка шоколадного крема (искаж. фр.).

38

«Ученик друга Сандро» (искаж. ит.). Бернард Беренсон (1865–1959) – американский художественный критик и знаток итальянского искусства. Много лет служил советником лорда Дювина. Далее в тексте упоминается под именем «Бернардо Татти» – его особняк во Флоренции носит название «И Татти». В первых номерах «Бёрлингтонского журнала для знатоков» (ежемесячное академическое издание об изящных и декоративных искусствах, с 1903 г.) публиковал очерки о «реконструированных» итальянских художниках Возрождения «Друге Сандро» (Боттичелли, ок. 1445–1510) и «Ученике Доменико» (Гирландайо, 1449–1494), на основании впечатлений от работ, ошибочно, по его мнению, приписываемых другим художникам.

39

Картина «Мадонна с младенцем» («Мадонна Тайяра», ок. 1477–1510) приписывается итальянскому живописцу Джорджоне (Джорджо Барбарелли да Кастельфранко, 1476/77–1510) или художникам его круга. Названа именем французского коллекционера герцога де Тайяра.

40

Музей Ашмола – музей и библиотека древней истории, изящных искусств и археологии при Оксфордском университете, основаны в 1683 г, названы именем основателя Элиаса Ашмола (1617–1692).

41

Джордж Эдвард Сесил Уигг, барон, полковник Британской армии (1900–1983) – английский политик, при премьер-министре Гарольде Уилсоне служил генеральным казначеем, а в этой должности осуществлял связь кабинета с британской разведкой и тайными службами.

42

Сноровка (искаж. фр.).

43

Все понять – значит, все простить (фр.).

44

Уведомление Д (от англ. defence, оборона) – официальное письмо, рассылаемое британскими правительственными учреждениями органам печати, радио- и телевизионным компаниям с указанием тем и вопросов, не подлежащих

оглашению.

45

Артур Аннсли Роналд Фёрбэнк (1886–1926) – английский писатель, автор тонко стилизованных под сказки «комедий манер».

46

Перевод С. Шестакова.

47

Жозеф-Кристоф (Кристофль) Шарве (1809–1870) – французский портной, основатель фирмы, производящей дорогую одежду и торгующей ею.

48

Эти англичане – полоумные (фр.). Обеликс – персонаж комиксов французских писателя Рене Госинни (1926–1977) и художника Альбера Юдерзо (р. 1927) об Астериксе, профессиональный скульптор и доставщик менгиров. Его фирменная фраза: «Эти римляне – психи».

49

Две лошади (искаж. фр.).

50

Несчастье дня (искаж. фр.).

51

Пьетро Лонги (1702–1785) – итальянский жанровый живописец.

52

Микеле Мариески (1710–1743) – итальянский живописец, специализировался на видах Венеции.

53

Бартоломеус Шпрангер (1546–1611) – фламандский художник-маньерист.

54

Эрот – обиходное название памятника (1892–1893) политику и филантропу Энтолни Эшли Куперу 7-му графу Шафтсбери (1801–1885) в центре Пиккадилли-Серкус в Лондоне; скульптор – сэр Алфред Гилберт (1854–1934).

55

Следовательно (искаж. лат.).

56

«Спам» – товарный знак мясной гастрономии (свиного колбасного фарша) производства компании «Хормел»; мясные консервы с этим товарным знаком появились в 1937 г.; название является комбинацией англ. слов SPices (специи) + hAM (ветчина).

57

«Пи-Джи Типс» – фирменное название чайной смеси компании «Брук Бонд»; от англ. Pregestee, predigested (предварительно переваренный) + tips (почки на побегах чая).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kiril-bonfiloli/ne-tychte-v-menya-etoy-shtukoy-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)